

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение

высшего образования

«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Уголовно-правовая и криминологическая характеристика организатора и лидера преступного сообщества»

Студент

А.А. Аверьянова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

д-р юрид. наук, профессор, П.В. Агапов

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Уголовно-правовая характеристика организатора преступного сообщества.....	6
1.1 Понятие организатора преступного сообщества в теории уголовного права	6
1.2 Историко-криминологическая характеристика организатора и лидера преступного сообщества.....	13
1.3 Состав преступления по организации сообщества антиобщественной направленности и лидерства в нем.....	22
Глава 2 Криминологическая характеристика организатора преступного сообщества.....	31
2.1 Криминологический анализ организованной преступности, личности организатора и лидера преступного сообщества.....	31
2.2 Различия квалификации организатора преступного сообщества и лица, занимающего лидирующее положение в нем.....	37
2.3 Криминологическая характеристика лица-организатора и лидера преступного сообщества.....	43
Глава 3 Совершенствование норм, устанавливающих ответственность организатора и лидера преступного сообщества.....	50
3.1 Проблема результативности норм, устанавливающих ответственность за организацию преступного сообщества	50
3.2 Направления совершенствования в уголовном законодательстве ответственности за организацию преступного сообщества и лидерства в нем.....	62
Заключение	67
Список используемой литературы и используемых источников	70

Введение

Актуальность темы исследования. В Российской Федерации ежегодно увеличивается число зарегистрированных преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями). Так, в 2018 году такой рост в сравнении с 2017 годом составил 5,5%, в 2019 году количество преступлений, совершенных организованными группами выросло еще на 3,1%. В такой форме соучастия было совершено 15,6 тысяч тяжких и особо тяжких преступлений.

Ключевую роль в данном криминальном явлении играют организаторы преступных формирований – именно роль организатора всеми исследователями рассматривается как наиболее общественно опасная. На это обратил внимание и законодатель, предусмотрев в уголовном законе случаи, когда организатор отвечает за оконченное преступление в качестве исполнителя (ст. ст. 209, 210, 212 Уголовного кодекса Российской Федерации и др.). Однако анализ судебной практики показывает, что почти треть лиц, которым вменяются указанные статьи, оправдываются – организаторы остаются на свободе, продолжают вербовать новых исполнителей и принимают меры к повышению эффективности преступной деятельности.

Итак, актуальность темы исследования обусловлена широким распространением организованной преступности на территории Российской Федерации, наличием проблем в практике применения норм об ответственности организатора преступного сообщества, несовершенством уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за организацию преступлений.

Степень научной разработанности темы исследования. Уголовно-правовые и криминологические аспекты организации преступного сообщества были предметом диссертационных исследований Е.А. Гришко, А.В. Покаместова, А.А. Мордовца, С.П. Тройнова, Т.В. Якушевой и некоторыми другими исследователями. Большинство из этих исследований были

проведены в начале XIX века, то есть не отражают современных особенностей организации преступных сообществ в Российской Федерации. Это определяет необходимость продолжать исследования в данном направлении.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с совершением преступлений преступными сообществами.

Предметом исследования выступают уголовно-правовые и криминологические аспекты организации преступного сообщества и фигура его лидера.

Цель и задачи исследования. Основной целью магистерского исследования является обобщение теоретических и практических уголовно-правовых и криминологических аспектов организации преступного сообщества и фигуры его лидера.

Для достижения указанной цели представляется необходимым решить следующие задачи:

- определить понятие организатора преступного сообщества в теории уголовного права;
- дать историко-криминологическую характеристику организатора и лидера преступного сообщества;
- проанализировать состав преступления по организации сообщества антиобщественной направленности и лидерства в нем;
- провести криминологический анализ преступного сообщества, его организатора и лидера;
- установить различия квалификации организации преступного сообщества и лица, занимающего лидирующее положение в нем;
- дать криминологическую характеристику лица-организатора и лидера преступного сообщества;
- выявить проблемы результативности норм, устанавливающих ответственность за организацию преступного сообщества;

- определить направления совершенствования в уголовном законодательстве ответственности за организацию преступного сообщества и лидерства в нем.

Методология и методика исследования. В процессе исследования применяются следующие методы историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-логический, системно-структурный, диспозитивный, метод моделирования и догматический метод.

Теоретическую основу исследования составили положения и выводы, изложенные в трудах отечественных и зарубежных авторов, имеющих отношение к рассматриваемой проблеме.

Нормативно-правовая база исследования представлена нормами Конституции Российской Федерации, Уголовного кодекса Российской Федерации.

Научная новизна исследования состоит в определении направлений совершенствования в уголовном законодательстве ответственности за организацию преступного сообщества и лидерства в нем и формулировании предложений по совершенствованию действующего законодательства.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и включает введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Уголовно-правовая характеристика организатора преступного сообщества

1.1 Понятие организатора преступного сообщества в теории уголовного права

В Российской Федерации ежегодно увеличивается число зарегистрированных преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями). Так, в 2018 году такой рост в сравнении с 2017 годом составил 5,5% [23], в 2019 году количество преступлений, совершенных организованными группами выросло еще на 3,1%. В такой форме соучастия было совершено 15,6 тысяч тяжких и особо тяжких преступлений [28].

Ключевую роль в данном криминальном явлении играют организаторы преступных формирований – именно роль организатора всеми исследователями рассматривается как наиболее общественно опасная. На это обратил внимание и законодатель, предусмотрев в уголовном законе случаи, когда организатор отвечает за оконченное преступление в качестве исполнителя (ст. ст. 209, 210, 212 Уголовного кодекса Российской Федерации [69] и др.). Однако анализ судебной практики показывает, что почти треть лиц, которым вменяются указанные статьи, оправдываются.

Уголовно-правовой институт организатора впервые упоминался в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, которое было издано в 1845 году [71] (далее – Уложение 1845 года). В этом же нормативном акте формулируется представление и о первых аналогах преступных сообществ. Так, Уложение 1845 года оперирует понятием «шайка», содержание которого, однако, в содержании этого акта не раскрывалось. По мнению Н.С. Таганцева, с субъективной стороны шайка предполагает сговор на несколько преступных деяний, совершаемых как постоянная преступная деятельность [64, с. 750]. Такой сговор мог быть направлен как на отдельный определенный вид

преступной деятельности (например, исключительно кражи или убийства), так и на разные виды (сбыт фальшивый денег, убийства и поджоги). Количественный критерий, т. е. участие нескольких (даже двух) лиц в сговоре, был обязательным элементом шайки [10, с. 193].

В Уголовном уложении Российской империи от 22 марта 1903 года [41] выделялись уже две формы соучастия – «сообщество» и «шайка» и определялись условия ответственности их членов (ст. 52).

В общей части Уголовного кодекса РСФСР 1926 года [34] вообще отсутствовали нормы о соучастии, однако анализ положений Особенной части позволил ученым сделать вывод о дифференцированности ответственности за соучастие – наиболее строго наказывались подстрекатели, руководители и организаторы, ответственность организатора фактически приравнивалась к ответственности исполнителя [73, с. 114]. Совершение преступления группой или бандой признавалось отягчающим обстоятельством (п. «в» ч. 2 ст. 47), однако содержание этих понятий не раскрывалось.

В действующем уголовном законе понятие преступного сообщества закреплено в ч. 4 ст. 35 УК РФ. Из приведенного в указанной норме определения можно выделить основные отличительные особенности преступного сообщества:

- структурированность;
- нацеленность на совершение тяжких и особо тяжких преступлений;
- получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

Проанализируем содержание некоторых из названных особенностей подробнее.

В правовой литературе распространена точка зрения, что структурированность как признак преступного сообщества «означает наличие в нем сложных организационно-иерархических связей, функционирование нескольких подразделений с единым руководством» [63, с. 90].

Схожим образом раскрывает содержание этого признака и Верховный Суд Российской Федерации – согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 №12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)».

Высшая судебная инстанция, говоря о структурированной организованной группе, отмечает, что такая группа характеризуется следующими признаками:

- имеет единое руководство;
- состоит из подразделений (подгрупп, звеньев и т.п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий;
- эти подразделения взаимодействуют между собой в целях реализации общих преступных намерений;
- между ними определенным образом распределяются функции (допускается также наличие возможной специализации в выполнении конкретных действий при совершении преступления) [38].

Следующим признаком преступного сообщества является нацеленность на совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Согласно ч.ч. 4, 5 ст. 15 УК РФ тяжкими преступлениями признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает десяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание, предусмотренное настоящим Кодексом, не превышает пятнадцати лет лишения свободы, а особо тяжкими преступлениями – умышленные деяния, за совершение которых настоящим Кодексом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше десяти лет или более строгое наказание.

Закрепление в законодательстве этого условия для квалификации соучастия как преступного сообщества критикуется А.П. Козловым, который

считает необоснованным, то что совершение преступления в других менее опасных формах соучастия вменяется вне зависимости от тяжести, совершенных субъектами преступлений, а «наказуемость наиболее опасной формы соучастия оговаривается дополнительными условиями» [21, с. 290].

Действительно, указанным положением законодатель фактически снижает общественную опасность структурированной группы «профессиональных» высокоорганизованных преступников, которая регулярно совершает преступления, однако, «всего лишь» средней тяжести. Очевидно, что такое положение не способствует борьбе с организованной преступностью как явлением.

В данном контексте также заслуживает внимание позиция Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой, которые справедливо полагают, что подход законодателя о включении в число признаков преступного сообщества нацеленности на совершение тяжких и особо тяжких преступлений «не является безупречным». При этом Н.Ф. Кузнецова и И.М. Тяжкова отмечают следующее: «определять качество преступного образования через тяжесть совершенного его участниками преступления некорректно, поскольку по данному признаку формирование не может быть квалифицировано как преступное сообщество. Группа лиц по предварительному сговору и организованная группа также могут создаваться для совершения тяжких и особо тяжких преступлений, ибо никаких запретов по этому поводу закон не содержит. Следовательно, создается возможность либо неоправданного сужения понятия организованной группы, либо, наоборот, необоснованной оценки случаев совершения организованной группой тяжких или особо тяжких преступлений как выполненных преступным сообществом» [25]. Согласие с такой позицией выражает целый ряд исследователей [66; 70].

В связи с вышеизложенным считаем необходимым исключить из нормативного определения «преступное сообщество» указание на тяжесть, совершаемых преступным сообществом деяний.

В качестве еще одной цели создания преступного сообщества и осуществления им «деятельности» законодатель называет получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Обоснованность этой формулировки также ставится исследователями под сомнение.

Во-первых, потому что такую же цель может преследовать (и чаще всего так и есть) и организованная группа – это означает, что приведенный признак не является особенностью преступного сообщества.

Во-вторых, как вполне справедливо замечает А.Ю. Палий члены преступного сообщества могут преследовать и другие (на наш взгляд, еще более общественно опасные) цели – устрашения населения, дестабилизации функционирования органов государственного управления, разжигания вооруженных конфликтов, преследования религиозных целей и прочее [43].

В связи с этим считаем необходимым принять предложение исследователя и закрепить на нормативном уровне, что целью преступного сообщества может быть «посягательство на общественную безопасность и общественный порядок, жизнь и здоровье граждан, основы государственной власти, мир и безопасность человечества». Кроме того полагаем, что в понятии преступного сообщества должны найти отражение только наиболее характерные для него черты, которые выражены, в частности, в признаке структурированности.

Итак, под преступным сообществом предлагаем понимать группу лиц реализующих общие преступные намерения, объединенных системой сложных организационно-иерархических связей, предполагающих функционирование нескольких взаимодействующих подразделений под единым руководством и имеющих целью получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды от преступной деятельности, а равно осуществление посягательств на общественную безопасность и общественный порядок, жизнь и здоровье граждан, основы государственной власти, мир и безопасность человечества.

Понятие организатора не закреплено в УК РФ, в ч. 3 ст. 33 УК РФ законодатель определил только несколько видов организаторской деятельности:

- организация совершения преступления;
- руководство соучастниками при исполнении преступлении;
- создание организованной группы или преступного сообщества (преступной организации);
- руководство организованной группы или преступного сообщества (преступной организации).

Такое решение подвергается критике среди исследователей, в частности Козлов А. П. полагает, что оно «создает ложное впечатление, что лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество, не организует совершения преступления» [21, с. 121]. Более того, положение ч. 3 ст. 33 УК РФ дает основание некоторым исследователям необоснованно разделять организаторов на интеллектуальных, к числу которых относятся лица, создавшие организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию), разработавшие план преступного деяния и осуществляющие непосредственное руководство организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) и реальных, которые берут на себя обязанности руководителя во время совершения преступления действиями других лиц [46; 71].

Необоснованность такого подхода обусловлена рядом факторов – во-первых, в совершении преступления, на наш взгляд, может принимать участие любой организатор, во-вторых, признание организатором лица на основании того, что оно находится на месте совершения преступления, противоречит функциональным «обязанностям» этого вида соучастников. В связи с этим полагаем, что, характеризуя фигуру организатора преступного сообщества, правильнее акцентировать внимание на тех сторонах, которые формируют сущность его деятельности. Так, организатор преступного сообщества выполняет функции, направленные на объединение действий соучастников

такого сообщества, координирует деятельность указанных лиц (нацеливает их на общий результат, распределяет роли и функции, определяет тесноту связей между ними и т.д.), планирует совершение преступлений (в том числе решает вопросы, связанные с обеспечением преступного сообщества оружием, средствами совершения преступления) [21, с. 123].

Таким образом, в результате проведенного анализа пришли к следующим выводам:

- под преступным сообществом предлагаем понимать группу лиц реализующих общие преступные намерения, объединенных системой сложных организационно-иерархических связей, предполагающих функционирование нескольких взаимодействующих подразделений под единым руководством и имеющих целью получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды от преступной деятельности, а равно осуществление посягательств на общественную безопасность и общественный порядок, жизнь и здоровье граждан, основы государственной власти, мир и безопасность человечества;
- под организатором преступного сообщества следует понимать лицо, которое объединяет под своим руководством несколько лиц для реализации общих преступных намерений, формирует среди них систему сложных организационно-иерархических связей, координирует их деятельность и планирует совершение ими преступлений с целью получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды от преступной деятельности или осуществления посягательств на общественную безопасность и общественный порядок, жизнь и здоровье граждан, основы государственной власти, мир и безопасность человечества.

1.2 Историко-криминологическая характеристика организатора и лидера преступного сообщества

Историческое развитие положения организатора в уголовном праве предполагает проведение анализа генезиса института соучастия.

В отечественном уголовном праве первое упоминание о соучастии встречается в Русской правде. В ст. 31 Краткой редакции урегулированы особенности ответственности за кражу, совершенную несколькими лицами. О таких особенностях речь шла также в ст. ст. 41, 42 Пространной редакции Русской Правды, устанавливающих ответственность за кражу из закрытого помещения и ст. 121 Пространной редакции, регулирующей вопросы ответственности жен и детей воров. Во всех названных нормах закреплялись два основных принципа:

- совершенное преступление вменялось каждому из соучастников;
- каждый из соучастников нес одинаковую ответственность вне зависимости от степени его вины и характера участия в совершении преступления (тем более, что классификация соучастников на виды в Русской Правде отсутствовала) [56, с. 37].

А. Богдановский полагает, что такой подход к правовому регулированию рассматриваемого института является вполне естественным для древнего права [6, с. 128].

В последующие несколько веков развитие института соучастия в преступление было достаточно медленным. Так, в Псковской судной грамоте о возможности совершения в соучастии угомонилась только в нескольких статьях. При этом принципы привлечения к ответственности соучастников и вменения им наказания оставались неизменными. Несмотря на высокий юридический уровень Судебника Ивана III 1497 года он не содержал норм о соучастии и его видах. Некоторый прогресс наметился в Судебнике Ивана IV 1550 года, где устанавливалась ответственность за укрывательство, попустительство, доноительство, неоказание помощи власти в поимке

преступников и осуществление организованной преступной деятельности, участники которой именовались «товарищами» [72, с. 80].

Дальнейшее развитие институт соучастия получил благодаря нормам Соборного уложения 1649 года [65]. В этом документе содержится немало упоминаний о различных аспектах института соучастия, однако какой-либо четкой системы в правовом регулировании соучастия не прослеживается. Субъектами преступления по Соборному уложению 1649 года могли быть как отдельные лица, так и группа лиц. В данном документе впервые нашли свое закрепление нормы не только о простом соисполнении, но и других соучастниках, таких как подстрекатель и пособник. При этом пособничество каралось так же как и непосредственное исполнение преступления. В Соборном уложении 1649 года впервые появляется понятие скопа и заговора, под которыми понимались большие группы лиц с такими признаками как предварительная организованность и совместные действия при совершении преступлений. О скопе и заговоре говорится в главе II Уложения о государственных преступлениях. За совершение государственных преступлений все участники скопа и заговора наказывались одинаково – смертной казнью. Если скоп и заговор образовывались для совершения других преступлений, то соучастники («товарищи») подвергались менее суровому наказанию, чем исполнители. Исследователи справедливо отмечают, что Соборное уложение 1649 года имело весомое значение для дальнейшего развития института соучастия, поскольку именно в данном документе были закреплены основные понятия соучастия, которые характерны и для современной доктрины [61, с. 119].

Следующим уголовным законом, действовавшим на территории России, был Артикул воинский от 26 апреля 1715 года [5]. Анализ положений этого документа, упоминающих о соучастии (арт. 155, 156, 189), позволяет сделать вывод, что в нем все еще был реализован принцип равной ответственности соучастников, независимо от степени виновности каждого.

В XVIII веке осуществлял свою преступную деятельность Иван Осипов (Ванька Каин), которого некоторые авторы называют первым «вором в законе» в России. Ванька Каин вместе с группой преступников занимался кражами в Москве. При этом московские воры имели определенную «специализацию» – карманные, домовые кражи, грабежи на дорогах и т.д. и образовывали определенную преступную субкультуру, которая использовала воровской жаргон и клички. Что касается личности Ваньки Каина, то исследователи отмечают, что уже его решение в 14 лет бежать от купца, прихватив при этом его добро, свидетельствует о природной склонности преступника к авантюрам. Кроме того, современники Ваньки Каина отмечают, что он был наделен острым умом, проворством, смелостью, мог быстро принимать решения. Архивные документы из уголовного дела Ваньки Каина дают основания полагать, что он был изобретательным преступником и имел талант импровизации. Главным феноменом личности Ваньки Каина было то, что в декабре 1741 года он явился с повинной в Сыскной приказ и предложил свои услуги в качестве доносителя в обмен на определенные преференции. Таким образом, с помощью Каина были пойманы десятки представителей преступного мира. Однако нравственный облик профессионального вора не изменился – пользуясь покровительством чиновников Сысского приказа, он брал взятки, «чинил разорения и обиды» невинным людям, вел распутную жизнь, знался с преступниками и т.д. Судебный процесс над Ванькой Каином начался только в 1749 и был завершён в 1755 году, Иван Осипов был приговорен к смертной казни, которую впоследствии заменили битьем кнутом, вырезанием ноздрей, клеймением и ссылкой на вечную каторгу.

Вопрос о дифференциации уголовной ответственности соучастников в зависимости от характера и степени общественной опасности содеянного ими впервые был затронут в «Наказе Уложенной комиссии» 1765-1767 годов. Более полное развитие этот институт приобрел в Уставе благочиния (полицейском) 1782 года [56, с. 37].

Следующей законодательной памяткой, которая сыграла весомую роль для развития института соучастия, является Уложение о наказаниях уголовных и исправительных, которое было издано в 1845 году [71] (далее – Уложение 1845 года). Согласно его редакции существовало две формы соучастия – без предварительного согласия («скоп») (в таком случае выделили два вида соучастников – виновники и участники) и по предварительному согласию («сговор») (соучастниками в таком случае признавались зачинщики, сообщники, подговорщики, пособники). Кроме того, в Уложении 1845 года раскрывалась роль попустителей и укрывателей (ст. 14), то есть институт прикосновенности к преступлению отделялся от института соучастия. Разграничение форм соучастия имело правовые последствия – согласно ст. 11 Уложения 1845 года «В преступлении, совершенном несколькими лицами, принимается во внимание, совершено ли это преступление по предварительному сговору всех или нескольких виновных, или без него». Исследователи указывают также на закрепление в Уложении 1845 года третьей формы соучастия – «шайки», которая рассматривается в качестве исторического аналога организованной группы как формы соучастия [10, с. 190]. Понятие «шайка» в Уложении 1845 года не раскрывалось. По мнению Н.С. Таганцева, с субъективной стороны шайка предполагает сговор на несколько преступных деяний, совершаемых как постоянная преступная деятельность [64, с. 750]. Такой сговор мог быть направлен как на отдельный определенный вид преступной деятельности (например, исключительно кражи или убийства), так и на разные виды (сбыт фальшивый денег, убийства и поджоги). Количественный критерий, т. е. участие нескольких (даже двух) лиц в сговоре, был обязательным элементом шайки [10, с. 193].

Дальнейшее развитие института соучастия связано с Уголовным уложением Российской империи от 22 марта 1903 года (далее – Уложение 1903 года). Согласно этому документу соучастниками признавались исполнители, подстрекатели и пособники (ст. 51), а также выделялись такие формы

соучастия, как «сообщество» и «шайка» и определялись условия ответственности их членов (ст. 52).

Коренные социальные изменения, которые произошли в 1917 г., привели не только к изменению государственного строя, но и к отмене всех действующих правовых институтов. В это время начала формироваться наука советского уголовного права и серьезное внимание в ней уделялось проблеме соучастия в преступлении. Предпринимались попытки выявить те составы преступлений, которые могли быть совершены в соучастии, однако практически отсутствовали идеи о формах соучастия, а потому они не получили законодательного закрепления. Однако многие теоретические разработки все же нашли свое отражение в нормативно-правовых актах.

Первая попытка определения понятия соучастия в советском праве была сделана в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года. В ст. 21 этого акта указывалось, что «за деяния, совершаемые сообща группой лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники. Мера наказания определяется не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния» [36]. Статьи 22-24 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года раскрывали сущность роли исполнителя, подстрекателя и пособника – этим ограничивалось правовое регулирование института соучастия. Таким образом, обнаруживаем целый ряд проблем, связанных с этим. Во-первых, подход законодателя к определению меры наказания соучастников вызвал множество дискуссий ученых-юристов. Во-вторых, серьезным недостатком анализируемого правового акта считаем отсутствие определений понятий «шайка», «банда» и «толпа». В-третьих, в ст. 21 не нашел отражения даже количественный критерий понятия соучастия. Практически в таком же виде институт соучастия в преступлении перекочевал в Уголовный кодекс РСФСР 1922 года [70].

В общей части Уголовного кодекса РСФСР 1926 года [34] вообще отсутствовали нормы о соучастии, однако анализ положений Особенной части

позволил ученым сделать вывод о дифференцированности ответственности за соучастие – наиболее строго наказывались подстрекатели, руководители и организаторы, ответственность организатора фактически приравнялась к ответственности исполнителя [73, с. 114]. Совершение преступления группой или бандой признавалосьотягчающим обстоятельством (п. «в» ч. 2 ст. 47), однако содержание этих понятий не раскрывалось. Что касается роли соучастников, форм соучастия и т.д., то содержание этих аспектов анализируемого института раскрывалось в Постановлениях Пленума Верховного Суда СССР [56, с. 39].

В Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик, принятых в 1958 году [40] уже было дано развернутое определение соучастия – «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления» (ч. 1 ст. 17). Это определение не обладало необходимой четкостью для его однозначного толкования, поэтому возникали научные дискуссии на предмет того, возможно ли соучастие в неосторожных преступлениях. Так, например, М. Шаргородский, ссылаясь на определение соучастия, утверждал, что «действующее законодательство сейчас совершенно правильно решает вопросы о возможности соучастия в неосторожном преступлении» [76, с. 45]. В то же время, по мнению П. Гришаева и Г. Кригера точка зрения о возможности соучастия в неосторожных преступлениях «противоречит законодательному понятию соучастия» [15, с. 45]. Преимущественная часть ученых полагала, что в нормативное определение соучастия следует включить указание на то, что оно возможно исключительно в отношении умышленных преступлений.

Действительно, отсутствие такого уточнения приводило к тому, что совершенные с неосторожной формой вины преступления, в которых участники совершали объективно связанные действия, приводящие к общему преступному результату, при квалификации следственными и судебными органами приравнялись по степени общественной опасности к действиям, которые были не только объективно связанными, но и субъективно

согласованными. Такое толкование приводило к нарушению принципов справедливости и индивидуализации уголовной ответственности.

Статья 17 Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 году была полностью воспроизведена в ст. 17 Уголовного кодекса РСФСР 1960 году – соучастием признавалось умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. Соучастниками преступления, наряду с исполнителями, признавались организаторы, подстрекатели и пособники. При назначении наказания учитывались степень и характер участия каждого из соучастников в совершении преступления. В правовой науке того времени основные споры относительно определения соучастия касались места, которое в нем должен занимать термин «умышленное». Большинство исследователей полагали, что он должен находиться перед термином «совместное» и тем самым распространяться как на самое деяние, так и на совместность как таковую; другие предлагали переместить данный термин и определять им лишь совершение преступления, что сделало бы возможным существование неосторожного соучастия [21, с. 13-14] – довольно спорного явления в уголовно-правовой науке. На наш взгляд, в полной мере обоснованной нельзя считать ни ту, ни другую позицию – оптимальным подходом к определению соучастия считаем то, в котором дважды указывается на умышленность. Именно так было определено соучастие («умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления») в ст. 19 Основ уголовного законодательства Союза ССР и республик от 02.07.1991 № 2281-I [42], которое, однако, так и не вступило в законную силу. Несколько позже такой же подход к нормативному определению анализируемого понятия был закреплен в ст. 34 Модельного Уголовного кодекса для стран СНГ [30]. Вполне логично, что такое же определение, было закреплено и в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации [69].

Наиболее активными криминальными деятелями времен СССР, лицами, обладающими организационно-распорядительными функциями и

безоговорочными авторитетами у носителей криминальной (воровской) идеологии были Аслан Усоян (Дед Хасан) и Вячеслав Иваньков (Япончик). Особенность, действующих под их руководством преступных сообществ, на первоначальном этапе состояла в том, что преступники одними из первых начали реализовывать схему совершения «беззаявочных преступлений». Жертвами банд Хасана и Япончика становились расхитители социалистической собственности, известные антиквары, ювелиры, валютчики и другие правонарушители. При этом воры, как оказалось вполне оправданно, рассчитывали на то, что такие жертвы не будут заявлять о случившемся в правоохранительные органы, чтобы не привлекать к себе внимания.

Характеризуя личность Аслана Усояна (Дед Хасан), необходимо отметить, что он стал одним из первых статусных лидеров преступного сообщества, который отказался от соблюдения устоявшихся воровских правил, принятых в среде профессиональных преступников. Так, Дед Хасан вопреки этим правилам, так называемым воровским понятиям, несколько раз условно-досрочно освобождался из мест отбывания наказания, следствием чего были противоречия с «коллегами» по цеху. Находясь в места лишения свободы Хасан проявлял хитрость, сотрудничал с администрацией.

Что касается характеристики личности самого Вячеслава Иванькова (Япончик), то его современники характеризуют последнего следующим образом – он был отменно вежлив, предупредителен, любил историческую литературу, практически не употреблял спиртное, изредка курил табак. Из биографии Вячеслава Иванькова (Япончик), следует, что он обучался в цирковом училище, что свидетельствует о хорошей физической подготовке, силе воли, упорстве. Психологи, определяя тип темперамента Япончика отмечают, что он был экстравертов холерического склада, страдал психопатией истероидного типа, как и многие другие «воры в законе».

Таким образом, в результате проведенного анализа были обобщены следующие этапы развития уголовной ответственности за совершение преступлений в соучастии:

- начальный период (X-XIII век) – нормы о соучастии носят разрозненный характер, не объединяются в отдельный раздел законодательных актов, действует принцип равной ответственности всех соучастников вне зависимости от их роли в совершении преступления;
- досоветский период (середина XIII века – 1921 год) – в законодательных актах начинает применяться дифференцированный подход к уголовной ответственности соучастников в зависимости от характера и степени общественной опасности содеянного, нормы о соучастия систематизируются и выделяются в отдельные структурные части нормативных правовых актов, формируется представление о формах соучастия – без предварительного согласия («скоп») и по предварительному согласию («сговор»), «сообщество», «шайка» и видах соучастников, которые разграничивались в зависимости от формы соучастия, делаются попытки нормативного определения понятия соучастия;
- советский период (1921-1991 год) – институт соучастия достаточно активно развивается в доктрине, однако законодательное закрепление получают далеко не все аспекты. В первых уголовных кодексах правовое регулирование института соучастия нередко ограничивается неудачными попытками его нормативного определения. Анализ норм Особенной части уголовных законов позволяет сделать вывод о дифференцированности ответственности за соучастие – наиболее строго наказывались подстрекатели, руководители и организаторы, ответственность организатора фактически приравнивалась к ответственности исполнителя. Современный вид институт соучастия начинает приобретать с 1958 года, когда в Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик было дано развернутое определение соучастия.

1.3 Состав преступления по организации сообщества антиобщественной направленности и лидерства в нем

Статьей 210 Уголовного кодекса Российской Федерации установлена уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней).

Доктрина уголовного права к числу объективных признаков состава преступления относит признаки объекта и объективной стороны.

Термином «объект преступления» в уголовно-правовой науке обозначается как элемент состава преступления, так и один из признаков. Так, объект преступления как один из элементов состава преступления включает в себя два признака – обязательный (объект преступления) и факультативные (предмет преступления и потерпевший от преступления) [17, с. 94].

Н.И. Кузнецова отмечает, что «объект преступления – это общественные отношения, охраняемые уголовным законом, которым преступлением причиняется вред либо создается реальная угроза причинения вреда» [24, с. 135].

Объект преступления является основным показателем уровня общественной опасности преступления, указывает на его правовую и социальную сущность, характеризует преступление с качественной стороны, выступает одним из критериев отграничения смежных преступлений и преступлений от неправомерных деяний. В связи с этим объект преступления положен в основу систематизации (и классификации) преступлений в УК РФ. С принятием действующего уголовного закона в науке российского уголовного права сформировалось представление о четырехступенчатой системе классификации объектов преступлений – общий, родовой, видовой, непосредственный.

Общий объект составляет совокупность всех общественных отношений, которые охраняются уголовным законом от преступных посягательств [19, с. 75].

Общий объект всех преступлений обозначен в ч. 1 ст. 2 УК РФ – «общественные отношения по охране прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также по предупреждению преступлений» [69].

Родовой объект представляет собой объект группы однородных преступлений, часть общего объекта. Роль родового объекта в уголовном праве состоит в том, что он позволяет классифицировать все преступления на определенные группы, разграничить степень общественной опасности каждой из этих групп преступлений. Кроме того, именно в зависимости от родового объекта УК РФ поделен на разделы – наименования разделов и содержат название родовых объектов [24, с. 140]. Следовательно, родовым объектом организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) являются общественные отношения по охране общественной безопасности и общественного порядка.

Видовой объект составляет группа однородных общественных отношений (часть родового объекта), охраняемых нормами, помещенными в одну главу Особенной части УК РФ. На видовой объект посягают преступления одного вида и преступления, которые охраняются уголовно-правовыми нормами одного вида [19, с. 76]. Применительно к составу организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) видовой объект составляют общественные отношения по охране общественной безопасности.

Дуюнов В.К. и Хлебушкин А.Г. отмечают следующее «непосредственный объект – это охраняемое уголовным законом конкретное общественное отношение (часть видového объекта), на которое посягает конкретное преступление (изнасилование, кража, и т.д.) и которое охраняется конкретной уголовно-правовой нормой» [19, с. 51].

Объективная сторона преступления характеризует внешнюю сторону общественно опасного посягательства, совершаемого в определенное время и в определенном месте и причиняющего вред общественным отношениям.

Объективная сторона составов преступлений состоит из обязательных и факультативных признаков. Большинство ученых выделяют один обязательный признак объективной стороны – общественно опасное деяние [68, с. 219]. Такое положение справедливо по отношению к преступлениям с формальным составом, к числу которых и относится преступление, предусмотренное ст. 210 УК РФ.

Деяние как обязательный признак объективной стороны рассматривается в уголовно-правовой науке как «акт сознательного поведения человека, обязательный признак объективной стороны всякого конкретного состава преступления» [19, с. 81]. Такое поведение может иметь активную (действие) или пассивную форму (бездействие).

Объективная сторона ст. 210 УК РФ выражается в:

- создании преступного сообщества (преступной организации) в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений;
- руководстве таким сообществом (организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями;
- координации преступных действий;
- создании устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами или разделе сфер преступного влияния и преступных доходов между ними;
- участии в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей организованных групп;
- участии в преступном сообществе (преступной организации).

Сущность указанных действий раскрывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 № 12 «О судебной практике рассмотрения

уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)»:

- «под руководством преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями следует понимать осуществление организационных и (или) управленческих функций в отношении преступного сообщества (преступной организации), его (ее) структурных подразделений, а также отдельных его (ее) участников как при совершении конкретных преступлений, так и при обеспечении деятельности преступного сообщества (преступной организации)» [38];
- «под координацией преступных действий следует понимать их согласование между несколькими организованными группами, входящими в преступное сообщество (преступную организацию), в целях совместного совершения запланированных преступлений» [38];
- «под созданием устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами следует понимать, например, действия лица по объединению таких групп в целях осуществления совместных действий по планированию, совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений» [38];
- «под участием в преступном сообществе (преступной организации) (часть 2 статьи 210 УК РФ) следует понимать вхождение в состав сообщества (организации), а также разработку планов по подготовке к совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений и (или) непосредственное совершение указанных преступлений либо выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (финансирование, снабжение информацией, ведение документации,

подыскание жертв преступлений, установление в целях совершения преступных действий контактов с должностными лицами государственных органов, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, создание условий совершения преступлений и т.п.)» [38].

Факультативными признаками, которые дополнительно характеризуют объективную сторону, являются время, место, способ, обстановка, орудие и средства совершения преступления [22, с. 258].

Из содержания ст. 19 УК РФ следует три основных признака субъекта преступления. Во-первых, субъектом преступления выступает исключительно физическое лицо. Данным понятием охватываются граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства. Во-вторых, уголовным законодательством закреплены требования к возрасту субъекта преступления. По общему правилу, исходя из содержания ч. 1 ст. 20 УК РФ уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. В соответствии с п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «лицо считается достигшим возраста, с которого наступает уголовная ответственность, не в день рождения, а по его истечении, т.е. с нуля часов следующих суток» [37]. Третьим признаком субъекта преступления является вменяемость, которая рассматривается в учебной литературе как «способность лица во время совершения преступления осознавать свои действия (бездействия) и руководить ими» [68, с. 224].

Понятие вменяемости определяется в УК РФ через понятие невменяемости, закрепленное в ст. 21 УК РФ. Невменяемость характеризуется двумя критериями:

- юридический, который состоит в неспособности лица осознавать фактический характер и общественную опасность своих деяний (интеллектуальный признак) или руководить ими (волевой признак);

- медицинский критерий, который определяется наличием у лица хронического психического расстройства, временного психического расстройства, слабоумия либо иного болезненного состояния психики [19, с. 78].

Субъект рассматриваемого преступления — вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие совместно с членами преступного сообщества (преступной организацией) конкретные преступления, подлежат уголовной ответственности лишь за те преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена в ст. 20 УК РФ с 14 лет.

Л.М. Прокументов полагает, что некоторые из составов преступлений, перечисленные в ст. 210 УК РФ характеризуются специальным субъектом, которым «выступает лицо, имеющее влияние на участников организованных групп» [53, с. 11]. Данные тезис автор относит к следующим деяниям:

- «координация действий между различными самостоятельно действующими организованными группами;
- создание устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами;
- разработка планов и создание условий для совершения преступлений такими группами;
- раздел сфер преступного влияния и деление преступных доходов между ними» [53, с. 11].

Кроме этого, специальный субъект преступления обозначен в ч. 3 ст. 210 УК РФ. Такой специальный субъект характеризуется использованием для осуществления преступной деятельности служебного положения. Согласно п. 22 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 к числу таких лиц следует относить: «должностных лиц, так и государственных служащих и служащих органов местного самоуправления, не относящихся к числу должностных лиц, а также лиц, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющих

организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой организации независимо от формы собственности или в некоммерческой организации, не являющейся государственным или муниципальным учреждением» [38].

Субъективная сторона преступления – внутренняя сторона поведения лица, совершающего преступление, его психическая деятельность в связи с совершаемым им преступлением. Обязательным признаком субъективной стороны является вина, факультативными – мотив и цель [67, с. 109].

С субъективной стороны преступления могут совершаться в форме умысла или неосторожности. Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней) всегда характеризуется виной в виде прямого умысла, то есть лицо, совершающее это преступление, осознает общественную опасность своих действий, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления.

Обязательным признаком является специальная цель – совместное совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений.

Таким образом, в результате проведенного анализа обобщены объективные и субъективные признаки состава преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней).

Итак, в рамках первой главы исследования получены следующие выводы:

- 1) определено, что под преступным сообществом следует понимать группу лиц реализующих общие преступные намерения, объединенных системой сложных организационно-иерархических связей, предполагающих функционирование нескольких взаимодействующих подразделений под единым руководством и имеющих целью получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды от преступной деятельности, а равно осуществление посягательств на общественную безопасность и

общественный порядок, жизнь и здоровье граждан, основы государственной власти, мир и безопасность человечества;

2) определено что под организатором преступного сообщества следует понимать лицо, которое объединяет под своим руководством несколько лиц для реализации общих преступных намерений, формирует среди них систему сложных организационно-иерархических связей, координирует их деятельность и планирует совершение ими преступлений с целью получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды от преступной деятельности или осуществления посягательств на общественную безопасность и общественный порядок, жизнь и здоровье граждан, основы государственной власти, мир и безопасность человечества.

3) обобщены следующие этапы развития уголовной ответственности за совершение преступлений в соучастии:

– начальный период (X-XIII век) – нормы о соучастии носят разрозненный характер, не объединяются в отдельный раздел законодательных актов, действует принцип равной ответственности всех соучастников вне зависимости от их роли в совершении преступления;

– досоветский период (середина XIII века – 1921 год) – в законодательных актах начинает применяться дифференцированный подход к уголовной ответственности соучастников в зависимости от характера и степени общественной опасности содеянного, нормы о соучастия систематизируются и выделяются в отдельные структурных части нормативных правовых актов, формируется представление о формах соучастия – без предварительного согласия («скоп») и по предварительному согласию («сговор»), «сообщество», «шайка» и видах соучастников, которые разграничивались в

- зависимости от формы соучастия, делаются попытки нормативного определения понятия соучастия;
- советский период (1921-1991 год) – институт соучастия достаточно активно развивается в доктрине, однако законодательное закрепление получают далеко не все аспекты. В первых уголовных кодексах правовое регулирование института соучастия нередко ограничивается неудачными попытками его нормативного определения. Анализ норм Особенной части уголовных законов позволяет сделать вывод о дифференцированности ответственности за соучастие – наиболее строго наказывались подстрекатели, руководители и организаторы, ответственность организатора фактически приравнивалась к ответственности исполнителя. Современный вид институт соучастия начинает приобретать с 1958 года, когда в Основах уголовного законодательства СССР и союзных республик было дано развернутое определение соучастия;
 - 4) обобщены объективные и субъективные признаки состава организации преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней).

Глава 2 Криминологическая характеристика организатора преступного сообщества

2.1 Криминологический анализ организованной преступности

Организованная преступность тормозит развитие государства сразу по четырем направлениям:

- экономика – огромные доходы от незаконной и преступной деятельности выкачиваются из законной экономики, а законные рынки искажаются;
- политика и управление – организованная преступность изменяет политическую экономику развивающихся стран, поскольку незаконные уголовные интересы, охватывающие границу между государственным и частным секторами и вовлекающие негосударственных и государственных субъектов, трансформируют экономические, политические и социальные институты;
- социальная сплоченность сообществ и обществ разрушается по мере того, как криминальные субкультуры появляются и заменяют традиционные ценности и нормы;
- безопасность граждан и государств находится под угрозой организованной преступности [80].

При этом «организованная преступность» это очень емкий термин, который вошел в лексикон многих политиков и широкой общественности. Он часто применяется без четкой точки отсчета и, по сути, является весьма неопределенным и расплывчатым. В Российской Федерации к содержанию этого термина принято относить совокупность преступлений, совершенных организованной группой и преступным сообществом.

В последние годы в Российской Федерации отмечается рост числа преступлений, совершаемых организованной группой и преступным сообществом. Об этом свидетельствуют данные о состоянии преступности в

России, предоставляемые Генеральной прокуратурой Российской Федерации в Ежемесячных сборниках о состоянии преступности, показанные на рисунке 1.

Рисунок 1 – Динамика числа зарегистрированных преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом

Из приведенного графика следует, что состояние организованной преступности в Российской Федерации в течение последних 11 лет имеет волнообразную динамику. В 2009 году показатель числа преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом, имел максимальное значение за рассматриваемый период – 31643 преступления. После этого в течение двух лет наблюдался значительный спад в регистрации такого рода преступлений (почти на 14 тыс. преступлений или на 44%). В 2012 году регистрация преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом, незначительно увеличилась (на 325 преступлений или на 1,8%). В последующие 4 года анализируемый показатель снижался и в

2016 году достиг своего минимума за период 2009-2020 гг. – 12 581 преступление (число преступлений снизилось почти на 5,5 тыс. или на 30%). После этого регистрация преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом ежегодно возрастает – наибольший прирост был отмечен в 2018 году (на 2369 зарегистрированных преступлений или на 18% больше, чем в 2017 году) и в 2020 году (на 2099 преступлений или на 13% больше, чем в 2019 году).

Что касается доли организованной преступности в общей структуре, то этот показатель остается относительно стабильным (находится на уровне 0,7-0,87%). Исключением является 2009 год, когда доля преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом единственный раз за рассматриваемый период, превысила 1% и период 2015-2016 годов, когда анализируемый показатель составлял минимальные 0,58%. Соответствующие показатели за 2009-2020 гг. отражены в таблице 1.

Таблица 1 – Соотношение общего числа зарегистрированных преступлений и преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом

Год	Общее число зарегистрированных преступлений	Число зарегистрированных преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом	Доля преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом
2009	2994820	31643	1,06%
2010	2628799	22251	0,85%
2011	2404807	17691	0,74%
2012	2302168	18016	0,78%
2013	2206249	17266	0,78%
2014	2190578	13771	0,63%
2015	2388476	13735	0,58%
2016	2160063	12581	0,58%
2017	2058476	13232	0,64%
2018	1991532	15628	0,78%
2019	2024337	16290	0,80%
2020	2044221	17727	0,87%

В таблице 2 представлены данные по раскрываемости преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом. Этот показатель стабильно высокий – на уровне 97,3-99,8% – об этом свидетельствуют данные о состоянии преступности, размещенные на сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Таблица 2 – Раскрываемость преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом

Год	Число зарегистрированных преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом	Число раскрытых преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом	Доля раскрытых преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом
2009	31643	31397	99,22%
2010	22251	22153	99,56%
2011	17691	17645	99,74%
2012	18016	17884	99,27%
2013	17266	17158	99,37%
2014	13771	13659	99,19%
2015	13735	13367	97,32%
2016	12581	12412	98,66%
2017	13232	13094	98,96%
2018	15628	15395	98,51%
2019	16290	16137	99,06%
2020	17727	17561	99,06%

Однако исследователи полагают, что такие высокие показатели обусловлены не столько эффективной работой правоохранительных органов, сколько тем, что, например, значительная часть преступлений экономической направленности, совершенных преступными сообществами, попросту не регистрируется [55]. Это может быть связано как с «неявностью» таких преступлений, так и с «заинтересованностью» правоохранительных органов в их сокрытии.

Высокий показатель раскрываемости преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом, позволяет провести

анализ структуры организованной преступности на основании данных о числе раскрытых преступлений за 2016-2020 гг., которые представлены в таблице 3.

Таблица 3 – Структура организованной преступности в 2016-2020 гг.

Показатели	2016	2017	2018	2019	2020
Всего раскрыто преступлений, из них:	12581	13232	15628	16290	17727
коррупционной направленности	720	703	941	1123	1242
убийств и покушений на убийство	71	37	38	20	23
в том числе убийств по найму	5	0	3	2	2
умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	6	3	7	1	6
похищение человека	30	15	36	49	49
изнасилование и покушение на изнасилование	3	7	0	0	0
кража	1346	1107	1059	1016	1185
с незаконным проникновением	423	457	336	259	367
в жилище	174	223	142	92	200
в квартиры	138	176	114	84	119
с причинением значительного ущерба гражданину	2	0	0	1	0
из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем	0	0	0	0	0
автомобилей	166	155	140	138	62
мошенничество ч. ч. 2-7 ст. 159 УК РФ	3975	4106	5076	5643	5894
грабеж	89	67	59	43	48
с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище	26	11	6	7	2
разбой	379	251	208	173	141
с незаконным проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище	46	16	8	19	15
вымогательство	282	252	279	203	262
неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон)	26	14	20	10	5
террористический акт	7	9	14	15	8
захват заложника	0	0	0	0	0
бандитизм	102	108	83	45	51
организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)	174	150	164	182	216
хулиганство	13	2	7	2	1
в сфере компьютерной информации	102	37	10	19	24
подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков	33	8	19	17	2

Из анализа приведенной таблицы следует, что около половины преступлений, совершенных организованной группой или преступным сообществом, составляют преступления против собственности. Отмечается рост удельного веса преступлений коррупционной направленности, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (в 2016 году этот показатель составлял 5,1%, а в 2020 году достиг 7,1%), мошенничеств (в 2016 году этот показатель составлял 31,6%, а в 2020 году составил 33,2%). При этом снижается удельный вес, совершаемых организованными группами и преступными сообществами преступлений против личности, преступлений в сфере компьютерной информации, грабежей и разбоев. Это связано, по мнению ученых с тем, что происходит преобразование форм и способов достижения преступных целей участников преступных сообществ. Если ранее такие способы были связаны с применением физического насилия, то в настоящее время чаще применяется «экономическое и коррупционное насилие» [55].

Таким образом, в результате проведенного анализа установлено, что согласно официальным данным доля преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами в Российской Федерации относительно мала (менее 1%). При этом раскрываемость таких преступлений находится на уровне 97-98%. Однако, ученые полагают, что приведенные показатели не отражают реального состояния организованной преступности, которая характеризуется, по их мнению, высокой степенью латентности. На основании официальных данных также можно сделать выводы об изменениях в структуре организованной преступности – организованные группы и преступные сообщества чаще всего совершают преступления против собственности, однако формы и способы достижения таких целей с течением времени меняются. Так, если ранее такие способы были связаны с применением физического насилия (что отражалось на числе преступлений против личности, совершаемых организованными группами и

преступными сообществами), то в настоящее время чаще применяется «экономическое и коррупционное насилие».

2.2 Различия квалификации организатора преступного сообщества и лица, занимающего лидирующее положение в нем

В уголовно-правовой, криминологической литературе, а, главное, в правоприменительной практике до настоящего времени имеются определенные трудности, связанные с разграничением понятий «организатор преступного сообщества», «руководитель преступного сообщества» и «лидер преступного сообщества».

Так, в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской от 10 июня 2010 г. №12 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» формулировкой «...когда руководители (организаторы) и участники...», высшая судебная инстанция, по сути, отождествляет понятия «руководитель» и «организатор». Однако, в п. 13, 19, 21 этого же Постановления к числу представителей организованных групп Верховный Суд Российской Федерации относит организаторов и руководителей (то есть разграничивает указанные категории), приравнивая последних к лидерам.

При этом в содержании названного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации раскрывается только сущность руководства преступным сообществом, под которым понимается «осуществление организационных и (или) управленческих функций в отношении преступного сообщества (преступной организации), его (ее) структурных подразделений, а также отдельных его (ее) участников как при совершении конкретных преступлений, так и при обеспечении деятельности преступного сообщества (преступной организации)». Кроме того, в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской от 10 июня 2010 г. №12 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества

(преступной организации) или участия в нем (ней)» обозначен детальный перечень функций, который связаны с руководством преступным сообществом. Их анализ позволяет сделать вывод о тождественности понятий «организатор» (в значении, которое было приведено выше в исследовании) и «руководитель» преступного сообщества. Однако такую позицию разделяют не все исследователи.

На наш взгляд, это обусловлено тем, что законодатель в уголовном законе разделяет функции организатора, связанные с созданием преступного сообщества и руководством ним. Такое разделение имеет место в ч. 3 ст. 33 УК РФ, где речь идет о том, что «Организатором признается лицо ... создавшее ... преступное сообщество ... либо руководившее им» и в ст. 210 УК РФ, где объективная сторона преступления представлена альтернативными действиями по созданию преступного сообщества либо по руководству ним.

Приведенные законодательные формулировки дают основания некоторым авторам полагать, что функция организатора состоит исключительно в создании преступного сообщества, а непосредственное управление осуществляет уже руководитель. Так, И.Н. Казанкова отмечает: «в уголовно-правовом значении организатор преступного сообщества (преступной организации) может быть одновременно и его руководителем, а руководитель преступного сообщества (преступной организации) – только руководителем, но не организатором (если он и организатор, то признается только организатором). Лицо может приступить к руководству преступным сообществом (преступной организации), которое уже имело преступное прошлое в виде совершения других преступлений» [20].

Анализ судебной практики показывает, что правоприменитель тоже, очевидно, разграничивает роли «организатора» и «руководителя» преступного сообщества, поскольку в решениях судов эти категории объединяется союзом «и» – «неустановленное лицо (лица), являясь организатором и руководителем преступного сообщества, с целью достижения преступной цели в виде

извлечения финансовой выгоды путем незаконного сбыта наркотических средств, детально продумало и разработало механизм совершения преступных деяний» [47]; ««Гектор», являясь организатором и руководителем преступного сообщества, разработал план и схему его функционирования, правила поведения и систему подчинённости его участников, чёткое распределение ролей между ними, меры ответственности и конспирации, установил цены на сбываемые наркотические средства с учётом цен, действующих на рынке незаконного оборота наркотических средств» [50].

В решениях суд не конкретизирует, какие именно действия рассматриваются им как организация, а какие как руководство. Однако обращает на себя внимание указание в одном из приговоров на то, что «Гектор» ... на Лицо № 1 возложил обязанности руководителя преступного сообщества [50]. Это отчасти подтверждает изложенную выше позицию И.Н. Казанковой, которая, на наш взгляд, все-таки требует уточнения.

В соответствии с действующим законодательством действия руководителя будут согласно ч. 3 ст. 33 УК РФ охватываться понятием организатора. Следовательно, с точки зрения уголовно-правовой терминологии говорить, что руководитель может не являться организатором неправильно. Выявленная тенденция к разграничению ролей членов преступного сообщества должна, на наш взгляд, найти отражение, прежде всего, в терминах. Так, например, М.А. Саблина предлагает выделить в уголовном законе две различные фигуры – фигуру создателя преступного сообщества и руководителя преступного сообщества, чем избежать путаницы с использованием понятия «организатор» [57, с. 131].

Следующим дискуссионным моментом является вопрос о разграничении понятий «организатор преступного сообщества» и «лидер преступного сообществ».

В отношении лидерства в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2010 г. №12 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества

(преступной организации) или участия в нем (ней)» отмечено лишь то, что о лидерстве «лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.». При этом лидер преступного сообщества может выступать субъектом преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 210 УК РФ, то есть рассматривается как лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии.

Из приведенного выше разъяснения высшей судебной инстанции трудно понять, как правоприменитель соотносит роль лидера и организатора преступного сообщества – некоторые исследователи полагают, что приведенное разъяснение уголовного закона ставит «знак равенства между лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, и лидером преступной группы» [53, с. 12].

Установление уголовной ответственности лидера в ч. 4 ст. 210 УК РФ дает основания полагать, что этот субъект рассматривается как фигура более общественно опасная, чем организатор, который несет ответственность по ч. 1 указанной статьи, однако по каким критериям проводить разграничение двух обозначенных фигур не ясно. Очевидно, именно это является причиной того, что за период с 2010 года по настоящее время по ч. 4 ст. 210 УК РФ был осужден только один человек. Первым привлеченным к ответственности «вором в законе» стал Мамука Чкадуа (уголовная кличка Мамука Гальский), уроженец Абхазии, обвиняемый, в том числе, в вымогательствах и убийствах [1].

В науке не отрицается, что именно лидер выступает «системообразующим элементом организованной преступности» [9, с. 172], что позволяет говорить о повышенной общественной опасности совершаемых им деяний описанных в ч.ч. 1, 1.1 ст. 210 УК РФ. Однако, как справедливо отмечают В.Н. Бурлакова и В.Ф. Щепелькова – не все лидеры должны привлекаться к ответственности по ч. 4 ст. 210 УК РФ. Подтверждается это и законодательством зарубежных государств – так, например, в ч. 2 ст. 223.1 УК

Грузии установлена ответственность только за пребывание лица в положении признанного лидера – «вора в законе». В российском уголовном праве в ст. 210.1 УК РФ сделаны похожие попытки криминализации такого рода лидерства, которые будут проанализированы ниже.

Анализ правоприменительной практики судов низших инстанций установил, что формулировка «лидер и организатор» также используется в судебных решениях. Это происходит намного реже, чем в случаях с «организатором и руководителем», однако также дает основания для вывода о наличии определенных различий между анализируемыми категориями – «организаторами и лидерами данной группы являются граждане Таджикистана, которые осуществляли координацию членов группы в Московском регионе» [51], «...организатора и руководителя организованной группы, который являлся ее лидером и осуществлял руководство, а также обладавшим конкретными властными функциями в отношении остальных участников, в том числе, полномочиями по принятию и исключению из состава организованной группы, регулировавшего пополнения финансовой базы организованной группы и расходование таких средств, осуществлявшего действия по руководству остальными участниками преступной организации, планированию преступной деятельности и конкретных преступлений, даче конкретных указаний и заданий остальным участникам преступной организации, распределении между ними обязанностей, осуществлении вербовки новых участников» [52].

Приведенных примеров судебных решений уже достаточно, чтобы считать не совсем обоснованной позицию ученых, отождествляющих понятия «лидер» и «организатор». Продолжая развитие этого тезиса, отметим, что лидерство является институтом социальной психологии, где оно рассматривается как явление, которое возникает стихийно и содержательно отличается от руководства [2, с. 276].

Говоря о понятии лидера, Л.М. Прокументов отмечает: «лидер обозначает лицо, имеющее наиболее высокий статус в группе (самый

выбираемый), а поэтому отождествление лидера с выполняемыми лицом функциями в группе не совсем корректно. Конкретный член группы может быть организатором, руководителем, но не быть лидером в собственном смысле слова, и наоборот» [53, с. 12]. Аналогичную позицию высказывает А.В. Покаместов, поясняя при этом, что лидер оказывает преимущественно эмоциональное (психологическое) воздействие на членов преступного сообщества, в то время как организатор осуществляет функциональное (практическое) управление [45, с. 159].

Справедливо, на наш взгляд, и замечание В.Н. Бурлакова и В.Ф. Щепелькова о том, что лидер «появляется не с момента зарождения организованной преступности, а в ее высшей фазе, т.е. в сложных типах (формах) организованной преступности». В частности ученые, выделяя различные типы организованных преступных группировок, указывают на существование унитарных групп, в которых «может отсутствовать ярко выраженный лидер» [8, с. 470].

Аналогичную позицию занимает и Г.М. Меретуков, который отмечает, что фигура лидера появляется только на определенном этапе развития преступной группы. При этом, по мнению автора, лидер «обычно выступает в роли организатора и руководителя группы» [29, с. 32]. Таким образом, фигура организатора (или руководителя) может совпадать или не совпадать с фигурой лидера.

Таким образом, в результате проведенного анализа пришли к следующим выводам:

- установлено, что в современной российской уголовно-правовой и криминологической науке не сформировано четкое представление о разграничении понятий «организатор преступного сообщества», «руководитель преступного сообщества» и «лидер преступного сообщества». Это создает проблемы в правоприменительной практике, не дает возможности объективно дифференцировать ответственность участников преступного сообщества;

- предложено, для устранения противоречий разграничить роль «создателя преступного сообщества» и «руководителя преступного сообщества», определить, что основным критерием разграничивающим роль лидера и организатора преступного сообщества является то, что первый оказывает преимущественно эмоциональное (психологическое) воздействие на членов преступного сообщества, в то время как организатор осуществляет функциональное (практическое) управление; предусмотреть для таких системообразующих элементов организованной преступности как, например, воры в законе, более суровую уголовную ответственность, четко регламентировав ее вменение.

2.3 Криминологическая характеристика лица-организатора и лидера преступного сообщества

Большинство современных исследователей принимают за основу своих исследований положение о тождественности категорий «организатор преступного сообщества» и «лидер преступного сообщества». В связи с этим не разграничиваются и особенности криминологической характеристики указанных субъектов.

Исследование возрастных и половых характеристик организаторов и лидеров преступных сообществ, проведенное Е.И. Дудкиной, показало, что доля таких лиц мужского пола составляет 98%. При этом удельный вес организаторов и лидеров в возрасте от 16 до 18 лет составляет 9 %, от 18 до 30 лет – около 42%, от 30 до 50 лет – 37%, старше 50 лет – порядка 12% [18, с. 52]. Следовательно, на «взрослого» организатора преступного формирования приходится практически 91%, что, по мнению И.Г. Галимова, обусловлено необходимостью жизненного опыта, соответствующих знаний, «криминального стажа», включая нахождение в местах лишения свободы, с целью овладения ведущими позициями в преступном мире [11, с. 8]. На

необходимость наличия у организатора и лидера криминального опыта указывают и другие авторы [20]. Однако, на наш взгляд, такая позиция не совсем обоснована.

Так, А.В. Бутырская и Е.А. Хагрядская справедливо отмечают следующее: «базовая направленность преступного сообщества, сфера его криминальной деятельности напрямую связаны с личностными особенностями организатора» [9, с. 173]. «Криминальное прошлое» – это характерный признак организаторов и лидеров преступных сообществ, созданных для совершения общеуголовных преступлений. На этом признаке основан практически весь их криминологический портрет – в таких организаторах и лидерах А.В. Бутырская и Е.А. Хагрядская видят «основные ценности субкультуры преступников, а также социально-психологические и нравственные черты, детерминирующие отчужденность человека от интересов общества и положительно ориентированных социальных групп» [9, с. 173].

Обращает на себя внимание тот факт, что организаторы и лидеры преступных сообществ имеют преимущественно высокий образовательный уровень:

- высшее образование имеют 53% таких лиц,
- среднее специальное – 27%,
- полное среднее – 18%,
- неполное среднее образование – 2% [18, с. 83].

На наш взгляд, такие показатели обусловлены тем, что в последние годы организованная преступность «тяготеет» к преступлениям экономической направленности. Организаторы и лидеры соответствующих преступных сообществ владеют знаниями в области экономики. Кроме того, такие лица, как правило, являются добропорядочными семьянинами, состоят в браке, имеют одного или нескольких детей и хорошую деловую репутацию среди коллег и контрагентов. Средний возраст таких лиц составляет 42 года [27, с. 8].

Е.И. Дудкина указывает на еще одну особенность криминологического портрета организатора и лидера преступного сообщества – «многие из лидеров преступных формирований являются бывшими спортсменами, имеют звание «мастер спорта»» [18, с. 85].

На наш взгляд это обусловлено особенностями исторического развития организованной преступности в России – в 90-е годы многие преступные группировки состояли именно из спортсменов, которые выполняли функции «вышибал», а также тем, что спорт развивает целый ряд волевых качеств, необходимых организатору и лидеру преступного сообщества.

К числу таких волевых качеств как отмечают А.В. Бутырская и Е.А. Загрядская относятся: «настойчивость, решительность, энергичность, упорство в достижении цели, высокая самодисциплина, целеустремленность, т. е. способность направлять все свои знания, навыки и чувства на достижение поставленных целей, умение доводить начатое до конца, собранность, отсутствие боязни принимать решения в ответственных ситуациях» [9, с. 172].

Большинство из указанных качеств, по мнению исследователей, являются теми, которые формируют авторитет лица в определенной группе, способствуют тому, чтобы полномочия лица, обладающего ими, были добровольно признаны остальными членами группы, готовыми ему подчиняться и следовать за ним, то есть характеризуют лидера [4].

Однако следует отметить, что не всегда роль лидера преступного сообщества обусловлена исключительно его авторитетом. Нередко лидеры преступных сообществ на определенном этапе начинают использовать авторитарные методы управления [29, с. 33].

Это подтверждается и материалами следственно-судебной практики. Так, Б-в М.А. «достигнув криминального лидерства среди вовлеченных им в преступную деятельность членов сообщества (организации), с целью их устрашения, подавления возможного недовольства с их стороны условиями работы, осуществляемой согласно распределению ролей по обеспечению преступной деятельности и вознаграждения за нее, организатор приобрел

огнестрельное оружие, которое хранил в доступном для обозрения соучастниками месте, тем самым, психологически воздействуя на членов преступного сообщества (преступной организации), оказывая на них преступное влияние с целью получения финансовой выгоды, а также для оказания иного воздействия на принятие решений соучастниками в преступных интересах сообщества (организаций), и утверждая, таким образом, свой непререкаемый авторитет». Такой авторитарный лидер способен создать группу с высокой степенью организованности, что значительно повышает её общественную опасность.

Организатора и лидера преступного сообщества характеризуют также особенные психологические характеристики, к числу которых исследователи А.В. Бутырская и Е.А. Загрядская относят следующие: «стрессоустойчивость, интеллектуальная и эмоциональная защищенность в проблемных ситуациях, самообладание и трезвость мышления при принятии решений» [9, с. 172].

На наш взгляд, указанные качества в одинаковой мере необходимы как лидеру, так и организатору, а что касается деловых качеств, таких как профессионально-организаторские черты, предприимчивость и деловитость [9, с. 172], то считаем, что лидер, как лицо, оказывающее преимущественно эмоциональное воздействие на преступное сообщество, может ими и не обладать.

Таким образом, в результате проведенного анализа обобщено, что организаторами и лидерами преступных сообществ выступают в подавляющем большинстве мужчины в возрасте от 18 до 50 лет.

При этом возрастные характеристики организаторов и лидеров преступных сообществ несколько отличаются в зависимости от преступной направленности такого сообщества – к верхней границе указанного промежутка приближается возраст организаторов и лидеров сообществ, совершающих экономические преступления. Это связано с необходимостью накопления определенного опыта и знаний.

В целом уровень образованности организаторов и лидеров сообществ можно охарактеризовать как высокий. Что касается личностных качеств, то их можно разделить на три группы:

- обязательные только для лидера преступного сообщества (настойчивость, решительность, энергичность, упорство в достижении цели, высокая самодисциплина, целеустремленность);
- необходимые как лидера, так и для организатора (стрессоустойчивость, интеллектуальная и эмоциональная защищенность в проблемных ситуациях, самообладание и трезвость мышления при принятии решений);
- обязательные только для организатора (профессионально-организаторские черты, предприимчивость, деловитость).

Итак, в рамках второй главы исследования были сделаны следующие выводы:

- 1) установлено, что согласно официальным данным доля преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами в Российской Федерации относительно мала (менее 1%). При этом раскрываемость таких преступлений находится на уровне 97-98%. Однако, ученые полагают, что приведенные показатели не отражают реального состояния организованной преступности, которая характеризуется, по их мнению, высокой степенью латентности. На основании официальных данных также можно сделать выводы об изменениях в структуре организованной преступности – организованные группы и преступные сообщества чаще всего совершают преступления против собственности, однако формы и способы достижения таких целей с течением времени меняются. Так, если ранее такие способы были связаны с применением физического насилия (что отражалось на числе преступлений против личности, совершаемых организованными группами и преступными сообществами), то в

настоящее время чаще применяется «экономическое и коррупционное насилие»;

- 2) установлено, что в современной российской уголовно-правовой и криминологической науке не сформировано четкое представление о разграничении понятий «организатор преступного сообщества», «руководитель преступного сообщества» и «лидер преступного сообщества». Это создает проблемы в правоприменительной практике, не дает возможности объективно дифференцировать ответственность участников преступного сообщества;
- 3) предложено, для устранения противоречий разграничить роль «создателя преступного сообщества» и «руководителя преступного сообщества», определить, что основным критерием разграничивающим роль лидера и организатора преступного сообщества является то, что первый оказывает преимущественно эмоциональное (психологическое) воздействие на членов преступного сообщества, в то время как организатор осуществляет функциональное (практическое) управление; предусмотреть для таких системообразующих элементов организованной преступности как, например, воры в законе, более суровую уголовную ответственность, четко регламентировав ее вменение;
- 4) обобщено, что организаторами и лидерами преступных сообществ выступают в подавляющем большинстве мужчины в возрасте от 18 до 50 лет. При этом возрастные характеристики организаторов и лидеров преступных сообществ несколько отличаются в зависимости от преступной направленности такого сообщества – к верхней границе указанного промежутка приближается возраст организаторов и лидеров сообществ, совершающих экономические преступления. Это связано с необходимостью накопления определенного опыта и знаний.

- 5) установлено, что уровень образованности организаторов и лидеров сообществ можно охарактеризовать как высокий. Что касается личностных качеств, то их можно разделить на три группы:
- обязательные только для лидера преступного сообщества (настойчивость, решительность, энергичность, упорство в достижении цели, высокая самодисциплина, целеустремленность);
 - необходимые как лидера, так и для организатора (стрессоустойчивость, интеллектуальная и эмоциональная защищенность в проблемных ситуациях, самообладание и трезвость мышления при принятии решений);
 - обязательные только для организатора (профессионально-организаторские черты, предприимчивость, деловитость).

Глава 3 Совершенствование норм, устанавливающих ответственность организатора и лидера преступного сообщества

3.1 Проблема результативности норм, устанавливающих ответственность за организацию преступного сообщества

Еще одним обстоятельством, которое может искажать объективную картину результативности применения положений ст. 210 УК РФ является тот факт, что указанная норма иногда применяется неверно. Для применения закона об уголовной ответственности важно понимать цель, которую преследовал законодатель, устанавливая уголовную ответственность за конкретное преступление. Так, разработка ст. 210 УК РФ пришлась на период действия указа Президента Б.Н. Ельцина об усилении борьбы с бандитизмом и организованной преступностью и, следовательно, имела целью борьбу «с ворами в законе» и криминальными авторитетами и «повязанными» с ними коррупционерами от власти. Однако в настоящее время ст. 210 УК РФ применяется без учета этого [62]. В результате складывается ситуация, при которой лица по ст. 210 УК РФ осуждаются, однако реальной борьбы с организованной преступностью и ее лидерами не проводится.

Анализ судебной статистики свидетельствует о том, что число лиц, осужденных в Российской Федерации по ч. 2 ст. 210 УК РФ (за участие в преступном сообществе) за последние 10 лет возросло на 53,7%. При этом прирост числа осужденных по ч. 1 ст. 210 УК РФ составил 34,8%. Показатели числа осужденных по ч. 1, 2 ст. 210 УК РФ за 2009-2019 гг. отражены на рисунке 2.

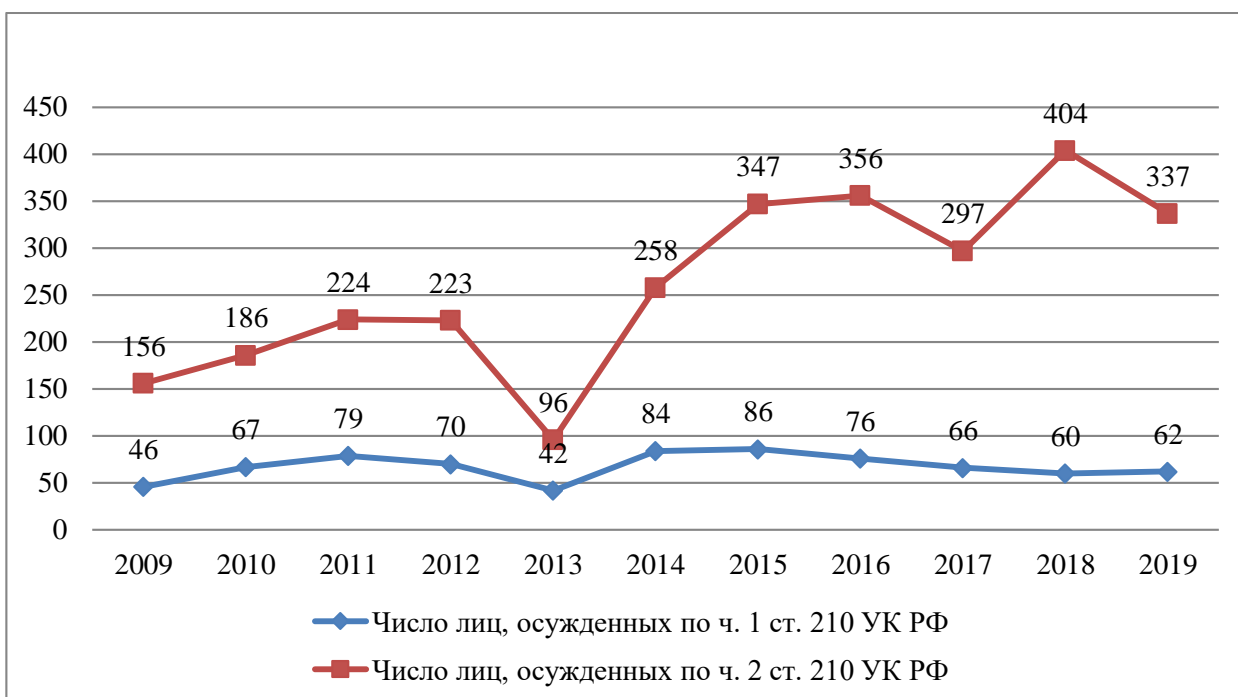

Рисунок 2 – Показатель числа осужденных по ч. 1, 2 ст. 210 УК РФ

Низкими являются показатели осуждения лиц по ч. 3 ст. 210 УК РФ, которая предусматривает ответственность за организацию преступного сообщества лицом с использованием своего служебного положения. Так, в 2018 году к ответственности было привлечено 19 таких лиц, в 2017 году – 9, в 2016 году – 7, в 2015 году – 10, в 2013 и 2012 годах – по 2 человека. Имеются сомнения на счет того, что приведенные показатели отражают объективную картину организованной преступности, поскольку большинство исследователей указывают на то, что организаторы преступных сообществ все чаще используют служебное положение для достижения преступных целей. Одна из причин такого противоречия, на наш взгляд, состоит в том, что признаком преступного сообщества выступает наличие специальной цели, состоящей согласно ч. 4 ст. 5 УК РФ в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. В то же время большинство «прибыльных» преступлений в сфере экономической деятельности относятся к категории преступлений средней тяжести, что сужает возможности правоохранительных органов [12, с. 19].

На наш взгляд, в условиях роста организованной преступности именно в сфере экономической деятельности, считаем, что эффективность правоприменения ст. 210 УК РФ повысит исключение признака специальной цели из понятия преступного сообщества.

Д.Е. Гапеенко была высказана мысль, что в силу формулировок ст. 210 УК РФ «организация преступного сообщества (преступной организации) не может быть квалифицирована только по одной ст. 210 УК России в так называемом «чистом виде». Подобные действия всегда квалифицируются по совокупности с другими статьями УК России» [12, с. 21]. Однако анализ судебной статистики числа осужденных лиц по основному составу ч. 1 ст. 210 УК РФ и в рамках дополнительной квалификации за 2009-2019 гг. представленный в таблице 4, дает основания не согласиться с этим утверждением.

Таблица 4 – Число осужденных лиц по основному составу ч. 1 ст. 210 УК РФ и в рамках дополнительной квалификации

	Число лиц, осужденных по основному составу ч. 1 ст. 210 УК РФ	Число лиц, осужденных по ч. 1 ст. 210 УК РФ в рамках дополнительной квалификации
2009	39	7
2010	52	15
2011	73	6
2012	57	13
2013	37	5
2014	56	28
2015	61	25
2016	51	25
2017	48	18
2018	48	12
2019	39	23

Из приведенной таблицы видно, что число осужденных лиц по основному составу ч. 1 ст. 210 УК РФ преобладает над числом, осужденных по указанной статье в рамках дополнительной квалификации. Однако нельзя отрицать и наличие проблем квалификации такого рода деяний. Так, каждое четвертое дело, возбужденное в отношении организаторов преступного

сообщества, прекращается на стадии предварительного следствия самими следователями или прокурорами при утверждении обвинительного заключения перед направлением его в суд. Прекращая дела по ст. 210 УК РФ, практические работники ссылались на отсутствие наиболее распространенных признаков преступного сообщества, таких, как «сплоченность», «устойчивость», «организованность», «структурированность». Особые трудности доказывания самого факта организации преступного сообщества (преступной организации) возникают, когда запланированное им преступление или покушение на него не совершены. Предусмотренными в уголовно-процессуальном законодательстве России средствами очень трудно доказать сам факт создания преступного сообщества (руководства им и т. д.) до совершения сообществом тяжких или особо тяжких преступлений. Еще часть уголовных дел, по обозначенным выше причинам, «рассыпается» на стадии судебного рассмотрения – число таких дел достаточно высоко, что подтверждается данными таблицы 5. В 2019 году число оправдательных приговоров, вынесенных в отношении лиц, привлекаемых по ч. 1 ст. 210 УК РФ даже превысило число обвинительных судебных решений.

Таблица 5 – Соотношение числа лиц осужденных по основному составу ч. 1 ст. 210 УК РФ и числа лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 210 УК РФ, в отношении которых вынесен оправдательный приговор

	Число лиц, осужденных по основному составу ч. 1 ст. 210 УК РФ	Число лиц, привлекаемых к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 210 УК РФ, в отношении которых вынесен оправдательный приговор
2015	61	51
2016	51	41
2017	48	38
2018	48	31
2019	39	46

Необходимо уделить внимание ч. 4 ст. 210 УК РФ, которая устанавливает ответственность за следующие преступления, совершенные лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии:

- создание преступного сообщества (преступной организации) в целях совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений;
- руководство преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями;
- координацию действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, разработку планов и создание условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами;
- участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп в целях совершения хотя бы одного из преступлений, указанных выше.

Указанная норма в течение 10 лет была применена всего один раз – по ней в 2018 году был вынесен единственный обвинительный приговор. При этом основной проблемой правоприменения ч. 4 ст. 210 УК РФ исследователи называют правовую неопределенность ее содержания – ни из содержания уголовного закона, ни из разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации неясно какие лица относятся к числу, занимающих высшее положение в преступной иерархии, что вообще такое «преступная иерархия» и «высшее положение». Однако, несмотря на это, осознавая необходимость привлечения к уголовной ответственности лидеров преступных сообществ и их структурных подразделений, законодатель в 2019 году предусмотрел в уголовном законе абсолютно новый состав преступления, оперирующий вышеуказанными категориями – занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) [35]. Такое решение дает понять, что Российская Федерация нацелена на активную борьбу с названными специальными субъектами. При этом, как справедливо отмечает Л.Д. Гаухман, названный квалифицирующий признак «сформулирован весьма расплывчато,

посредством использования в сочетании терминов, имеющих исключительно криминологическое, а не уголовно-правовое значение, предназначенных для общих – неконкретных и неточных – рассуждений о преступности и преступлениях» [13, с. 533]. Однако это, на наш взгляд, это не должно стать причиной для полного отказа от криминализации преступлений подобного рода. Более того, можно предположить, что решение законодателя отказаться от четкой формулировки понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» было вполне осознанным, имеющим целью сохранить «гибкость» данной нормы. В определенной степени такое положение, на наш взгляд, допустимо, учитывая, что состав ст. 210.1 УК РФ не является «массовым» (таким как убийство или кража). В связи с этим полагаем, что понятие «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» логичнее раскрыть в акте толкования уголовного закона – Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Для формулирования такого понятия и более эффективного применения положений ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ необходимо четко определить признаки, характеризующие лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии. В данном контексте интерес представляет первый, и пока единственный приговор, вынесенный по ст. 210.1 УК РФ в отношении Ш.Т. Озманова. На данный момент полный текст этого приговора отсутствует в общем доступе, однако П. Скобликов, проанализировав содержание публикации газеты «Коммерсант» на указанную тему отметил, что «сторона обвинения использовала следующие средства доказывания: протокол освидетельствования обвиняемого, в котором отражены и описаны татуировки, обнаруженные на теле обвиняемого (пистолеты, восьмиконечные звезды на коленях и ключицах, а также кресты и пауки); заключение судебной культурологической экспертизы, сделавшей вывод, что татуировки, обнаруженные на теле обвиняемого, набивают себе представители воровской касты; воровской прогон, выполненный на бумаге и приобщенный к делу в качестве иного документа; свидетельские показания лиц из числа сотрудников

правоохранительных органов, личности которых (всех или некоторой части) в целях безопасности засекречены» [59]. Давать оценку данному приговору, не изучив его полный текст, сложно, однако, очевидно, что основывать обвинение по большей части на толковании татуировок, не совсем обосновано. Тем более что официальные трактовки «воровских» татуировок отсутствуют. Это неоднократно подчеркивалось экспертами и учеными.

Попытка определить признаки лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, были сделаны в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 № 12 – «решая вопрос о субъекте преступления, указанного в части 4 статьи 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п. В приговоре необходимо указать, на основании каких из названных признаков суд пришел к выводу о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного частью 4 статьи 210 УК РФ» [38]. Приведенное положение, на наш взгляд, требует усовершенствования, поскольку не называет конкретных признаков лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Прежде всего, необходимо проанализировать содержание категории «преступная иерархия». В науке она рассматривается как ««система, определяющая структуру подчинения и взаимоотношений лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде, правил и традиций.

Существующий негласный «табель о рангах» (стратификация) закрепляет положение в иерархии того или иного члена криминального сообщества» [31, с. 54]. В настоящее время распространена позиция, о том, что под уголовную ответственность по ст. 210.1 УК РФ подпадают исключительно «воры в законе». Однако эксперты и исследователи отмечают, что кроме «воров в законе» в преступную иерархию входят также «положенцы» – лица, которые наделены полномочиями принимать решения в отсутствие «вора в законе» и «смотрящие» – лица, которые наделены полномочиями по принятию решений по определенному направлению или сфере деятельности [14, с. 52]. Следственной практике известны случаи возбуждения уголовных дел по ст. 210.1 УК РФ применительно к «смотрящим». Такое дело было возбуждено в отношении Александра Юношева, который имел статус «смотрящего за регионом». В его «полномочия» входило «распространение и сохранение преступных традиций, осуществление организационно-распорядительных функций, координация и контроль деятельности лиц из криминальной среды региона» [44].

Следует отметить, что криминальные статусы не игнорируются и судами. Так, Приговором Ингодинского районного суда г. Читы от 10.10.2018 по делу № 1-314/2018 было установлено, что «10 июня 2003 года прибывшие неустановленные следствием представители воровского клана «Кутаисские», организовали в ресторане «<данные изъяты>», расположенном по адресу: <адрес> «а», собрание лидеров организованных групп и наиболее активных лиц, ведущих криминальный образ жизни на территории Читинской области (Забайкальского края), имеющих высокий криминальный авторитет, то есть высший совет криминальных авторитетов, в ходе которого Лицо1 и неустановленные следствием лица из воровского клана «Кутаисские», от имени так называемого «воровского движения» подтвердили криминальный статус Лица2 как лидера криминально-уголовной среды Читинской области (Забайкальского края) со статусом «положенца» Читинской области (Забайкальского края), и криминальный статус Лица3 как лидера

криминально-уголовной среды г. Читы Читинской области (Забайкальского края) – «положенца» города Читы» [49]. Приговором Златоустовского городского суда Челябинской области от 19.12.2019 по делу №1-423/2018 было установлено, что «ФИО13, проживающий в городе Златоусте, ранее судимый за совершения вымогательств и хищений из фургонов грузовых автомобилей, имея статус «смотрящего» в криминальных кругах, авторитет и умение подчинять себе участников группировки, организаторские способности, криминальный опыт в совершении преступлений, в период до 12.04.2016 года с целью извлечения материальной выгоды, создал на территории Златоустовского городского округа организованную группу, в составе которой планировал на протяжении длительного периода времени совершать тайные и открытые хищения товарно-материальных ценностей из фургонов грузовых автомобилей, находящихся на неохраемых автомобильных стоянках и обочинах автомобильных дорог на территории Челябинской области» [48].

Большое значение имеет уточнение С.И. Муравьева о том, что высшее положение в преступной иерархии лицо получает в результате специальной неформальной процедуры [33, с. 784]. Так, например, получение статуса «вор в законе» предполагает процедуру «коронования». Ей предшествует распространение так называемого «воровского прогона» – послания для членов преступного мира, отбывающих наказание и находящихся на свободе о том, что конкретное лицо желает стать «вором в законе». Принятие «воровского прогона» означает, что «кандидат» одобрен воровским сообществом, в его биографии не обнаружены противоречия с воровским кодексом. Именно «воровской прогон» стал одним из доказательств вины первого осужденного по ст. 210.1 УК РФ Озманова Ш.Т. В материалах дела по обвинению А. Юношева также имеется информация о том, что статус «смотрящего за регионом» он получил на встрече криминальных «авторитетов». В приведенном выше судебном решении Ингодинского районного суда г. Читы также шла речь о «подтверждении криминального

статуса на высшем совете криминальных авторитетов». Можно допустить, что в данных случаях также имела место некая неформальная процедура.

Результатом подобных неформальных процедур, как справедливо отмечает С.И. Муравьев, является следующее:

- «лицо признаётся в качестве носителя данного статуса другими лицами, занимающими высшее положение в преступной иерархии, а также прочими членами преступной иерархии;
- лицо находится в отношениях власти-подчинения с нижестоящими членами преступной иерархии, делегируя им свою волю и вынося обязательные для них решения неформального характера» [33, с. 784].

В свою очередь «воры в законе» обязаны следовать определенным правилам поведения. В.М. Анисимков называет следующие из них: «жить вне интересов общества, не иметь в отношении него никаких обязательств, не поддерживать социальные связи, не участвовать в деятельности общественных институтов, не заботиться об их благе и укреплении; отказ служить политической власти при любом политическом режиме; все делать чужими руками; жестокость и расправа с отступниками; взаимная честность и поддержка среди членов криминального сообщества, которые все равны между собой; независимое положение на людях» [3, с. 197]. Очевидно, что положить в основу обвинения данные «жизненные принципы» не представляется возможным в силу их субъективного содержания. В то же время лицу, занимающему высшее положение в преступной иерархии, вменяются и некоторые полномочия, осуществление которых этими субъектами можно установить традиционными средствами доказывания. Так, Д.А. Григорьев и В.И. Мороз отмечают, что «воры в законе» наделяются такими полномочиями: «вправе распоряжаться криминальным бюджетом – «общаком»; выступать в роли арбитра при разрешении споров; выносить решения в отношении членов преступного сообщества, нарушивших неписанный «воровской закон»; участвовать в собраниях лидеров преступного

мира – «сходняках», а также руководить ими, т.е. «держатъ сходняк»» [14, с. 56].

Следовательно, справедлива позиция С.И. Муравьева, который дополняет приведенный им перечень признаков лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, следующим:

- «лицо обладает распорядительными полномочиями в отношении денежных средств и прочих ресурсов, добытых преступным путём и составляющих капитал преступного сообщества (организации);
- лицо обладает полномочиями организационного характера, в том числе касающимися участия в собраниях лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, руководства такими собраниями, а также назначения других лиц на неформальные нижестоящие должности преступной иерархии» [33, с. 784].

Дополнить обозначенные критерии специального субъекта ст. 210.1 УК РФ необходимо указанием на их роль в поддержании криминальной субкультуры, идеологии и обычаев уголовно-преступной среды. Последнее подтверждается актуальной следственной практикой, в частности уголовным делом, возбужденным в отношении Александра Юношева, в «полномочия» которого среди прочего входило «распространение и сохранение преступных традиций» [44].

В целом следует заметить, что по состоянию на конец 2020 года по ст. 210.1 УК РФ было заведено 75 уголовных дел [26].

Из приведенного выше анализа следует, что понятия «лидер преступного сообщества» и «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» несколько отличаются. Как справедливо отмечают А. Рагулин и В. Фефелов «вор наделяется кругом специальных функций, в отличие от лидера, не имеющего такого звания и осуществляющего только общие организаторские и управленческие функции» [54, с. 68].

Положительно следует оценить наличие в ст. 210 УК РФ поощрительных норм, связанных с освобождением от уголовной

ответственности лиц, активно способствовавших раскрытию или пресечению деятельности преступного сообщества (преступной организации) или входящего в него (нее) структурного подразделения и (или) раскрытию и (или) пресечению преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) или входящим в него (нее) структурным подразделением. Аналогичная норма, заимствованная из итальянского антимафиозного законодательства [77], а также из американского закона RICO (Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act [81]), также закреплена в уголовном законодательстве Грузии. Ее необходимость вызвана существованием в преступных кругах закона омерта («кодекса молчания» мафии), которым запрещена дача показания против начальника под страхом смерти. Это дает возможность криминальным авторитетам избегать наказания по причине недоказанности их отношения к созданию, руководству, координации преступного сообщества. Освобождение от уголовной ответственности может стать побудительным мотивом к нарушению таких предписаний и позволит чаще изобличать криминальных авторитетов. Однако исследователи полагают, что данная поощрительная норма также недостаточно эффективна, что обусловлено «высокой планкой требований к условиям ее применения» [75, с. 112]. Анализ зарубежного законодательства на этот счет не позволяет согласиться с таким мнением, однако определенной корректировки ст. 210 УК РФ требует.

Таким образом, на основании проведенного анализа пришли к следующим выводам:

- установлено, что в настоящее время результативность норм, устанавливающих уголовную ответственность за организацию преступного сообщества, находится на низком уровне. Значительная часть возбужденных уголовных дел прекращается на этапе следствия или судебного разбирательства в связи с отсутствием (или недоказуемостью наличия) наиболее распространенных признаков преступного сообщества, таких, как «сплоченность»,

«устойчивость», «организованность», «структурированность». Кроме того, эксперты указывают на наличие случаев необоснованного вменения лицам ст. 210 УК РФ. В то же время лица, виновные в организации преступных сообществ направленных на совершение экономических и коррупционных преступлений, нередко избегают наказания в связи с тем, что такие преступления квалифицируются как преступления средней тяжести либо ввиду того, что предусмотренными в уголовно-процессуальном законодательстве России средствами очень трудно доказать факт создания преступного сообщества;

- обосновано, что действенным механизмом борьбы с криминальными авторитетами должна стать норма ч. 4 ст. 210 УК РФ. Для ее более эффективного применения необходимо в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации обозначить основные признаки лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. К их числу следует отнести: наделение соответствующим статусом в результате специальной неформальной процедуры; признание в качестве носителя данного статуса другими членами преступной иерархии; наличие властных полномочий в отношении нижестоящих членов преступной иерархии, полномочий по распределению материальных ресурсов и решению задач по поддержанию криминальной субкультуры.

3.2 Направления совершенствования в уголовном законодательстве ответственности за организацию преступного сообщества и лидерства в нем

Проблема организованной преступности актуальна не только в Российской Федерации, но и для всего мирового сообщества. Так, еще в Миланском плане действий 1985 года [82] государства были призваны к тому,

чтобы направлять значительные усилия по борьбе и, в конечном счете, искоренению пагубных явлений, в том числе и организованной преступности, которая подрывает и дестабилизирует общество. В Руководящих принципах, в области предупреждения преступности и уголовного правосудия, отмечалось, что предупреждение преступности как глобального явления должно не ограничиваться общими видами преступности, а распространяться и на такие деяния, которые являются особо опасными [79].

Таким образом, внимание международного сообщества к проблемам организованной преступности также накладывает на Российскую Федерацию определенные обязанности по борьбе с ней.

С учетом установленных выше правоприменительных проблем, связанных с уголовной ответственностью за организацию преступного сообщества, считаем необходимым осуществить совершенствование законодательства по нескольким направлениям.

Во-первых, очевидна необходимость корректировки понятия «преступное сообщество». Такая корректировка должна касаться сразу нескольких аспектов. Так, следует исключить указание на цель создания преступного сообщества, состоящую в совершении тяжких и особо тяжких преступлений. Об этом шла речь как в теоретической части исследования, где отмечалось, что «выделение в законе специальной цели создания преступной организации в части указания на категорию преступлений (только тяжкие или особо тяжкие) противоречит основополагающим принципам дифференциации уголовной ответственности» [75, с. 170], так и при анализе правоприменительных аспектов – указание на такую цель позволяет избежать ответственности организаторам преступных сообществ, направленных на совершение ряда коррупционных и экономических преступлений [16, с. 7]. Реализация этого подхода будет соответствовать и практике зарубежных стран, где общественная опасность преступного сообщества определяется фактом его создания независимо от тяжести тех или иных преступлений, для совершения которых они создаются. Так, например, согласно ст. 129

Уголовного кодекса Германии уголовную ответственность несет «лицо, которое создавало организацию, цели или деятельность которой направлены на совершение преступлений, участвовало в такой организации в качестве члена, вербовало для нее членов или сторонников или поддерживало ее» [78].

Кроме того, были выявлены трудности связанные с доказыванием наличия таких признаков преступного сообщества, таких, как «сплоченность», «устойчивость», «организованность». Законодателю следует уточнить содержание этих критериев, придать их содержанию объективность.

Считаем возможным принять за основу понятие преступного сообщества, разработанное в первой главе настоящего исследования и под преступным сообществом понимать группу лиц реализующих общие преступные намерения, объединенных системой сложных организационно-иерархических связей, предполагающих функционирование нескольких взаимодействующих подразделений под единым руководством и имеющих целью получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды от преступной деятельности, а равно осуществление посягательств на общественную безопасность и общественный порядок, жизнь и здоровье граждан, основы государственной власти, мир и безопасность человечества.

Во-вторых, считаем необходимым внести изменения в законодательство, которые позволили бы ч. 4 ст. 210 и ст. 210.1 УК РФ работать эффективнее. В данном случае можно обратить внимание на пример Грузии, где принят Закон «Об организованной преступности и рэкете» [39], который оперирует абсолютно «не юридическими» категориями – «рэкет», «вор в законе», «воровской сход», «воровская разборка», что, однако, дает возможности для более эффективного применения уголовного закона к криминальным авторитетам. Реализация такого подхода представляется затруднительной, поскольку многие исследователи небезосновательно считают глупым и оскорбительным для всего общества и народа переходить на воровские понятия, а суду руководствоваться критериями, которые разработали сами преступники [7, с. 99].

В связи с этим более логичным видится предложение по формулированию признаков, которые характеризуют лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии в актах толкования уголовного закона.

В-третьих, предлагается уточнить содержание Примечания 2 к ст. 210 УК РФ, а именно предусмотреть, что от уголовной ответственности на основании этой нормы могут быть освобождены участники преступного сообщества при условии, что их участие не связано с совершением преступлений против жизни и здоровья человека, а также организаторы и руководители преступного сообщества при условии, что созданное ими преступное сообщество не начало осуществления своей преступной деятельности [58, с. 57].

В-четвертых, более эффективному применению ст. 210 УК РФ может способствовать уточнение диспозиции этой нормы. В частности, выше уже было внесено предложение о разграничении роли «создателя преступного сообщества» и «руководителя преступного сообщества». В таком разграничении на наш взгляд, в настоящее время нуждается как уголовно-правовая доктрина (это в определенной мере сможет разрешить дискуссии о соотношении организатора соучастия и организатора преступного сообщества), так и правоприменительной практике (суды все чаще разграничивают соответствующие деяния в описательной части приговоров, вменяя отдельному лицу либо организацию, либо руководство преступным сообществом, либо и то и другой вместе).

Таким образом, по результатам проведенного анализа сформулированы такие предложения:

- закрепить в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации следующего положения: «Под лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии следует понимать члена преступного сообщества, наделённого соответствующим статусом в результате специальной неформальной процедуры, признаваемый в

качестве носителя данного статуса другими членами преступной иерархии, обладающий неформальными властными полномочиями по отношению к ним, в частности полномочиями по разрешению конфликтов между членами преступной организации, распределению материальных ресурсов и поддерживающий криминальную субкультуру, идеологию и обычаи уголовно-преступной среды внутри преступного сообщества»;

- разграничить в уголовном законе роли «создателя преступного сообщества» и «руководителя преступного сообщества». Реализация такого предложения разрешит дискуссию о соотношении организатора соучастия и организатора преступного сообщества и будет соответствовать правоприменительной практике.

Итак, в рамках третьей главы исследования были получены следующие **выводы:**

- установлено, что в настоящее время результативность норм, устанавливающих уголовную ответственность за организацию преступного сообщества, находится на низком уровне. Значительная часть возбужденных уголовных дел прекращается на этапе следствия или судебного разбирательства в связи с отсутствием (или недоказуемостью наличия) наиболее распространенных признаков преступного сообщества, таких, как «сплоченность», «устойчивость», «организованность», «структурированность»;
- обосновано, что действенным механизмом борьбы с криминальными авторитетами должна стать норма ч. 4 ст. 210 УК РФ, которая может стать. Для ее более эффективного применения предложено в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации отразить признаки лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии.

Заключение

В результате проведенного анализа научной и учебной литературы, нормативных правовых, материалов судебной и следственной практики, статистических данных были сделаны следующие выводы.

1. Под организатором преступного сообщества следует понимать лицо, которое объединяет под своим руководством несколько лиц для реализации общих преступных намерений, формирует среди них систему сложных организационно-иерархических связей, координирует их деятельность и планирует совершение ими преступлений с целью получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды от преступной деятельности или осуществления посягательств на общественную безопасность и общественный порядок, жизнь и здоровье граждан, основы государственной власти, мир и безопасность человечества.

2. Развитие уголовной ответственности за совершение преступлений в соучастии прошло в несколько этапов. На начальном этапе (X-XIII век) нормы о соучастии носили разрозненный характер, не были объединены в отдельный раздел законодательных актов. Действовал принцип равной ответственности всех соучастников вне зависимости от их роли в совершении преступления. В досоветский период (середина XIII века – 1921 год) начинает применяться дифференцированный подход к уголовной ответственности соучастников – учитываются характер и степень общественной опасности содеянного. Нормы о соучастии систематизируются и выделяются в отдельные структурных части нормативных правовых актов. Формируются первые представление о формах соучастия – без предварительного согласия («скоп») и по предварительному согласию («сговор»), «сообщество», «шайка» и видах соучастников. В советский период (1921-1991 год) институт соучастия достаточно активно развивается в доктрине, однако законодательное закрепление получают далеко не все аспекты. Уголовным законодательством предусматривалась дифференцированность ответственности за соучастие –

наиболее строго наказывались подстрекатели, руководители и организаторы. Современный вид институт соучастия начинает приобретать с 1958 года.

3. Согласно официальным данным доля преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами в Российской Федерации относительно мала (менее 1%), а их раскрываемость находится на уровне 97-98%. Однако, ученые полагают, что приведенные показатели не отражают реального состояния организованной преступности, которая характеризуется высокой степенью латентности. Из официальных данных следует, что организованные группы и преступные сообщества чаще всего совершают преступления против собственности, однако формы и способы достижения таких целей с течением времени меняются. Так, если ранее такие способы были связаны с применением физического насилия, то в настоящее время чаще применяется «экономическое и коррупционное насилие».

4. Для устранения противоречий в правоприменительной практике предложено разграничить роль «создателя преступного сообщества» и «руководителя преступного сообщества». Роль лидера и организатора преступного сообщества необходимо разграничить следующим образом – первый оказывает преимущественно эмоциональное (психологическое) воздействие на членов преступного сообщества, в то время как организатор осуществляет функциональное (практическое) управление.

5. Организаторами и лидерами преступных сообществ выступают в подавляющем большинстве мужчины в возрасте от 18 до 50 лет. При этом возраст организаторов и лидеров сообществ, совершающих экономические преступления, приближается к верхней границе указанного промежутка. Это связано с необходимостью накопления определенного опыта и знаний. Уровень образованности организаторов и лидеров сообществ можно охарактеризовать как высокий. Личностные качества организаторов и лидеров преступных сообществ можно разделить на три группы – обязательные только для лидера преступного сообщества (настойчивость, решительность, энергичность, упорство в достижении цели, высокая самодисциплина,

целеустремленность); необходимые как лидера, так и для организатора (стрессоустойчивость, интеллектуальная и эмоциональная защищенность в проблемных ситуациях, самообладание и трезвость мышления при принятии решений), обязательные только для организатора (профессионально-организаторские черты, предприимчивость, деловитость).

б. Действенным механизмом борьбы с криминальными авторитетами должна стать норма ч. 4 ст. 210 УК РФ. Для ее более эффективного применения предложено в постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации закрепить следующее положение: «Под лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии следует понимать члена преступного сообщества, наделённого соответствующим статусом в результате специальной неформальной процедуры, признаваемый в качестве носителя данного статуса другими членами преступной иерархии, обладающий неформальными властными полномочиями по отношению к ним, в частности полномочиями по разрешению конфликтов между членами преступной организации, распределению материальных ресурсов и поддерживающий криминальную субкультуру, идеологию и обычаи уголовно-преступной среды внутри преступного сообщества».

Список используемой литературы и используемых источников

1. Абрамов Г. «Вора в законе» впервые осудили по новому составу статьи Уголовного кодекса [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20170616/1496631946.html> (дата обращения: 28.02.2021).
2. Андреева Г.М. Социальная психология. – М. : Аспект Пресс, 2014. – 363 с.
3. Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы. – С-П. : Юридический Центр Пресс, 2003. 250 с.
4. Ануфриенко Л.В. Качества эффективного лидера [Электронный ресурс]. – URL: http://elib.psu.by:8080/bitstream/123456789/17301/1/Ануфриенко_Качества_эффективного_лидера.pdf (дата обращения: 26.02.2021).
5. Артикул воинский от 26 апреля 1715 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 20.02.2021).
6. Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. – М. : Типография Каткова и Ко, 1857. 146 с.
7. Бударина Д.В. Организация преступного сообщества или участие в нем (ст. 210 УК РФ): юридическая характеристика и особенности описания субъекта преступления // Научные исследования и разработки студентов: Сборник материалов IX Международной студенческой научно-практической конференции. Редколлегия: О.Н. Широков [и др.], 2019. С. 97-100.
8. Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал, 2019, № 3. С. 465-476.
9. Бутырская А.В., Загрядская Е.А. Лидер криминального формирования – системообразующий элемент организованной преступности и угроза национальной и международной безопасности // Вестник ННГУ, 2016, № 5. С. 171-176.

10. Воробьева А.О., Кешишян А.В., Зайцева Е.Е., Ветрик Ю.А. Исторический очерк в развитии отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления, совершенные в составе организованной группы // Вопросы российского и международного права, 2019, Т. 9, № 12-1. С. 192-199.

11. Галимов И.Г. Проблемы борьбы с организованной преступностью (по материалам Республики Татарстан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 1998. 21 с.

12. Гапеенок Д.Е. Правовые проблемы эффективности применения статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция», 2012, № 2. С. 18-23.

13. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика; 4-е изд. – М. : АО «Центр ЮрИнфор», 2010. 557 с.

14. Григорьева Д.А., Морозов В.И. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? // Юридическая наука и правоприменительная практика, 2014, № 4(30). С. 50-58.

15. Гришаев П. Соучастие по советскому уголовному праву. – М. : Гос. издат. юрид. лит, 1959. 256 с.

16. Гришко Е.А. Организация преступного сообщества (преступной организации): уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. – М., 2000. 161 с.

17. Денисов С.А., Готчина Л.В., Никуленко А.В. и др. Уголовное право. Общая часть. Учебник. – СПб. : СПбУ МВД России, 2017. 336 с.

18. Дудкина Е.И. Криминологические особенности личности участников организованных преступных формирований и профилактическое воздействие на них: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. – Саратов, 2016. 259 с.

19. Дуюнов В.К., Хлебушкин А.Г. Квалификация преступлений: законодательство. теория, судебная практика: Монография. – М. : РИОР: ИНФРА-М, 2015. 356 с.

20. Казанкова И.Н. К вопросу об уголовной ответственности организаторов преступного сообщества (преступной организации) // Юристъ-Правоведъ. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. юрид. ин-та МВД России, 2011, № 4. С. 26-28.

21. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. – СПб. : Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 362 с.

22. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. Ред. В.М. Лебедев. – М. : Юрайт, 2014. 716 с.

23. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю.М. Антонян, Д.А. Бражников, М.В. Гончарова и др. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. 86 с.

24. Кузнецова Н.И. Объект преступления: некоторые размышления о понятии, значении, видах и отличии от предмета преступления // Юридическая наука: история и современность, 2018, № 8. С. 133-149.

25. Кузнецова Н.Ф. Курс уголовного права. Общая часть. Учение о преступлении. Том 1. Учебник. – М. : Зерцало, 2002. 535 с.

26. Куликов В. Обвиняется крестный отец [Электронный ресурс] // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2020/12/01/fsin-za-dva-goda-vozbuzhdeno-75-ugolovnyh-del-protiv-kriminalnyh-avtoritetov.html> (дата обращения: 07.04.2021).

27. Марданов А.Б. Личность современного экономического преступника: автореф.дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 2011. 22 с.

28. МВД: растет число преступлений, совершенных преступными сообществами [Электронный ресурс]. – URL: <https://rossaprimavera.ru/news/c640069c> (дата обращения: 20.02.2021).

29. Меретуков Г.М. Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, совершаемых организованными преступными группами (преступными организациями): Учебное пособие. – Краснодар, Кубанский государственный аграрный университет, 2016. 295 с.

30. Модельный Уголовный кодекс: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17.02.1996 // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ. 1996. № 10.

31. Момдохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право, 2010, № 5. С 53-57.

32. Мордовец А.А. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации) и участие в нем: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. – М., 2001. 215 с.

33. Муравьев С.И. Актуальные проблемы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии и пути их преодоления // Российская юстиция в XXI веке: реалии, проблемы, перспективы, 2019, № 11. С. 783-793.

34. О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года: Собрание узаконений и распоряжений РКП РСФСР, 1926, № 80. Ст. 600.

35. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: Федеральный закон от 01.04.2019 №46-ФЗ // Российская газета. – 3 апреля 2019. №72.

36. О Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года: Постановление Наркомата юстиции РФ от 12.12.1919 года // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского Правительства, 1919, № 66. Ст. 590.

37. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 // Российская газета, 2011, № 29.

38. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней):

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 №12 // Российская газета. 17 июня 2010. № 130.

39. Об организованной преступности и рэкете: Закон Грузии от 20.12.2005 № 2354 [Электронный ресурс]. – URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1> (дата обращения: 27.02.2021).

40. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 25.12.1958 // Ведомости ВС СССР, 1959, № 1. Ст. 6.

41. Об утверждении уголовного уложения: Именной Высочайший Указ и Высочайшее утвержденное мнение Государственного Совета от 16.04.1903 года №38 [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulozenie_1903_goda.pdf (дата обращения: 17.02.2021).

42. Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик от 02.07.1991 № 2281-I // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР, 1991, № 30. Ст. 862.

43. Палий А.Ю. Научно-теоретический анализ противоречий о целях деятельности организованных преступных сообществ, содержащихся в действующем уголовном законодательстве, и пути их преодоления: по материалам Республики Крым // Наука России: цели и задачи, 2017, № 11. С. 40-45.

44. Петунин С. Полиция погналась за авторитетом [Электронный ресурс] // Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4763201> (дата обращения: 07.04.2021).

45. Покаместов А.В. Проблема криминального лидерства в криминологии // Право и образование, 2003, № 3. С. 158-160.

46. Покаместов А.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика организатора преступной деятельности: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. – М., 2000. 263 с.

47. Приговор Абаканского городского суда Республики Хакасия от 21 января 2020 г. по делу № 1-119/2020 [Электронный ресурс]. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/l5ioremMJvQN/](https://sudact.ru/regular/doc/l5ioremMJvQN/) (дата обращения: 27.02.2021).

48. Приговор Златоустовского городского суда Челябинской области от 19.12.2019 по делу № 1-423/2018 [Электронный ресурс]. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/DQYzk3nlDhmR/](https://sudact.ru/regular/doc/DQYzk3nlDhmR/) (дата 04.04.2021).

49. Приговор Ингодинского районного суда г. Читы от 10.10.2018 по делу №1-314/2018 [Электронный ресурс]. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/MAnx4rcCu0mf/](https://sudact.ru/regular/doc/MAnx4rcCu0mf/) (дата 04.04.2021).

50. Приговор Свердловского районного суда г. Костромы № 1-136/2017 от 11 мая 2017 г. по делу № 1-136/2017 [Электронный ресурс]. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/juNVdmDUSib0/](https://sudact.ru/regular/doc/juNVdmDUSib0/) (дата обращения: 27.02.2021).

51. Приговор Серебряно-Прудского районного суда Московской области от 4 февраля 2020 г. по делу № 1-2/2020 [Электронный ресурс]. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/BKQsaU9qlO5d/](https://sudact.ru/regular/doc/BKQsaU9qlO5d/) (дата обращения: 02.03.2021).

52. Приговор Советского районного суда г. Новосибирска от 10 июля 2019 г. по делу № 1-171/2019 [Электронный ресурс]. – URL: [//sudact.ru/regular/doc/GAeLTt1B2KLLK/](https://sudact.ru/regular/doc/GAeLTt1B2KLLK/) (дата обращения: 02.03.2021).

53. Прокументов Л.М. Уголовно-правовые проблемы противодействия организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовная юстиция, 2016, №1 (7). С. 10-15.

54. Рагулин А., Фефелов В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Уголовное право, 2010, № 5. С. 67-70.

55. Репецкая А.Л. Российская организованная преступность в эпоху глобализации: состояние, структура, основные тенденции развития // Всероссийский криминологический журнал, 2010, № 1. С. 54-61.

56. Рудалева М.В. Исторический анализ криминализации преступного сообщества (преступной организации) как формы соучастия в российском уголовном законодательстве) // Вестник международного Института управления, 2018, № 1 (146). С. 36-39.

57. Саблина М.А. Фигура организатора в соучастии в преступлении и участии в организованной преступной деятельности // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2015, № 4. С. 129-139.

58. Саргсян А.А. Некоторые вопросы совершенствования поощрительной нормы об освобождении от уголовной ответственности участников преступного сообщества // The Scientific Heritage, 2020, № 49. С. 55-58.

59. Скобликов П. Бесконечно виноватые. 1-й приговор по обвинению в занятии высшего положения в преступной иерархии и его последствия [Электронный ресурс] // Закон. – URL: https://zakon.ru/blog/2020/10/12/beskonechno_vinovatye_1j_prigovor_po_obvine_niyu_v_zanyatii_vysshego_polozeniya_v_prestupnoj_ierarh (дата обращения: 08.04.2021).

60. Скобликов П.А. Ужесточение ответственности по части 4 статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации как образец современной уголовной политики и законотворчества [Электронный ресурс] – URL: <https://soprotivlenie.org/news/uzhestochenie-otvetstvennosti-po-chasti-4-stati-210-ugolovnogo-kodeksa-rossijskoj-federacii-kak-obrazec-sovremennoj-ugolovnoj-politiki-i-zakonotvorchestva/> (дата обращения: 01.03.2021).

61. Скорилкин Н.М. Основные понятия и сущность развития института соучастия в уголовном праве России // Проблемы развития правовой системы России: история и современность: Материалы межвузовской научно-практической конференции. Тульский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); Ответственный редактор И. А. Кузнецова, 2018. – С. 118-129.

62. Срок без права на ошибку [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2016/09/26/chislo-osuzhdennyh-za-organizaciiu-prestupnogo-soobshchestva-vyroslo-v-25-raza.html> (дата обращения: 01.03.2021).

63. Суденко В. Е. Уголовное право. Общая часть: лекции / Под ред. Н.А. Духно. – М. : Юридический институт МИИТа, 2016. 197 с.

64. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть общая. – СПб., 1902. Т.1. 823 с.
65. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. – М.: Издательство Московского университета, 1961 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/1649/whole.htm> (дата обращения: 20.02.2021).
66. Тройнов С.П. Уголовно-правовые и криминологические проблемы организации преступного сообщества: Преступной организации: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. – М., 2004. 177 с.
67. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Плотников. – Оренбург : ООО ИПК «Университет», 2016. 443 с.
68. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Под. ред. А.И. Рарога. – М. : Инфра-М, 2008. 712 с.
69. Уголовный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 25. Ст. 2954.
70. Уголовный кодекс РСФСР от 01.06.1922 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 19.02.2021).
71. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1885 года [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf (дата обращения: 20.02.2021).
72. Федорова М.В. Институт соучастия в законодательстве России в 10-17 веках // Вопросы российской юстиции, 2020, № 6. С. 77-85.
73. Хмырова А.А., Булдыгерова Л.Н. История формирования института соучастия в российском праве // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность, 2020, № 1. С. 112-116.

74. Шаргородский М. Вопросы общей части уголовного права. – Л. : Ленинградский университет, 1955. 256 с.

75. Якушева Т.В. Законодательная регламентация и практика привлечения к уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации»: дис. ... канд. юр. наук: 12.00.08. – М., 2016. 219 с.

76. Яшина А.В. Уголовно-правовая характеристика организатора преступного сообщества // В сборнике: Наука и практика в XXI веке. межвузовский сборник научных трудов, 2020. С. 99-104.

77. Cardamone D. Criminal prevention in Italy [Электронный ресурс]. – URL: http://www.europeanrights.eu/public/commenti/bronzini1-Cardamone_Criminal_prevention_in_Italy_2.0.pdf (дата обращения: 27.02.2021).

78. Criminal Code in the version promulgated on 13 November 1998 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.legislationline.org/download/id/6115/file/Germany_CC_am2013_en.pdf (дата обращения: 02.02.2021).

79. International Guidelines for Crime Prevention and Criminal Justice Responses with Respect to Trafficking in Cultural Property and Other Related Offences [Электронный ресурс]. – URL: file:///C:/TEMP/A_C-3_69_L-7-EN.pdf (дата обращения: 27.02.2021).

80. Organised crime, violence and development: Topic guide. August 2016 [Электронный ресурс]. – URL: http://gsdrc.org/wp-content/uploads/2016/08/Org_crime_violence_dev.pdf (дата обращения: 02.03.2021).

81. Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.justice.gov/archives/usam/file/870856/download> (дата обращения: 27.02.2021).

82. The Milan Plan of Action (Adopted by the Seventh Crime Congress, Milan, 26 August-6 September 1985, and endorsed by the General Assembly in resolution 40/32) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.nzdl.org/cgi->

bin/library?e=d-00000-00---off-0cdl--00-0----0-10-0---0---0direct-10---4-----0-
0l--11-en-50---20-about---00-0-1-00-0--4----0-0-11-10-0utfZz-8-
00&cl=CL2.21&d=HASH4068919759b42c6b335ec3.9.5>=1 (дата обращения:
27.02.2021).